

ВЯЧЕСЛАВ МАРТЫНОВ

ПОСЛЕДНИЙ КНЯЗЬ
ФЕОДОРО

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

12+

Вячеслав Сергеевич Мартынов

Последний князь Феодоро

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34749618

SelfPub; 2021

Аннотация

Книга посвящена последним страницам истории православного княжества Феодоро, которое находилось на территории современного горного Крыма, а также жизни и смерти его последнего князя – Александра Гавраса. Она основана на реальных событиях, происходивших во времена существования княжества в период с 1470 по 1475 года, и описывает жизнь некоторых реальных исторических персонажей, принимавших в этих событиях активное участие.

Содержание

Часть первая. Архонт Фуны	6
Глава первая. Алый закат	8
Глава вторая. Теплый прием	15
Глава третья. Член семьи	22
Глава четвертая. Смотр	28
Глава пятая. Первый совет	38
Глава шестая. Прием	46
Глава седьмая. Не дремлющий	57
Глава восьмая. Незванный гость	63
Глава девятая. Охота	70
Глава десятая. Настоящий охотник	77
Глава одиннадцатая. Добыча	86
Глава двенадцатая. Такое радостное утро	91
Глава тринадцатая. Долгожданный совет	98
Глава четырнадцатая. Три гонца, три послания	108
Глава пятнадцатая. Следствие	117
Глава шестнадцатая. Первый допрос	125
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Вячеслав Мартынов

Последний князь Феодоро

Предисловие автора

Добрый день, утро, вечер или прочее время суток, в которое ты, уважаемый читатель, взяли в руки эту книгу. Для начала, хотелось бы поблагодарить тебя за выбор и приобретение этого произведения, в которое я вложил силы и душу. Это правда, очень лестно и приятно.

Книга, которую дорогой читатель держит в руках, посвящена последним страницам истории православного княжества – Феодоро, которое находилось на территории современного горного Крыма, а также жизни и смерти его последнего князя – Александра Гавраса.

Произведение основано на реальных событиях, происшедших во времена существования княжества в период с 1470 по 1475 года, и описывает жизнь некоторых реальных исторических персонажей, принимавших в этих событиях активное участие.

История княжества Феодоро до сих пор содержит множество секретов, тайн и противоречий, и именно поэтому автор не претендует на историческую достоверность всех событий, описанных в книге. Многие из них, вообще, являются его собственным взглядом и творческим вымыслом на то, как в реальности могло обстоять дело. В этом и заключается отли-

чие художественного романа от исторического труда: автор романа может слегка преувеличивать, изменять и по-своему трактовать те или иные события. Однако, автор не отрицает теоретической возможности исторической достоверности данных событий.

Вполне возможно, что, прочитав это произведение, читатель заинтересуется, как события происходили на самом деле, и сам ознакомится с каким-нибудь историческим трактатом о последнем наследнике Византийской империи и культуры – княжестве Феодоро. В целом, это и является основной задачей данной книги – популяризировать крымскую историю и пробудить интерес людей к ней. Ведь история Крыма по своей насыщенности, трагичности и таинственности ничуть не уступает, а во многом даже превосходит историю других стран и народов нашей планеты.

Одним словом, надеюсь, тебе понравится данная книга и, прочитав ее, у тебя возникнет интерес к истории Крыма в целом. Попрошу не судить меня строго и напомним слова из Библии: «Не судите, да не судимы будете»!

Будь здоров и счастлив!

С уважением, Вячеслав Мартынов.

Часть первая. Архонт Фуны

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Князь Феодоро

Михаил I Гаврас, 43 года, реальный исторический персонаж.

Его сын

Александр Гаврас, княжич, архонт(1) Фуны, 20 лет, реальный исторический персонаж.

Младшая ветвь Гаврасов

Исаак Гаврас, брат князя, архонт Каламиты, 40 лет, реальный исторический персонаж.

Тихон Гаврас, сын Исаака, 21 год, реальный исторический персонаж.

Семейство Андроников

Стефан Андроник, главный конюх княжества, 60 лет.

Дмитрий Андроник – его сын, конюх княжича Александра, 22 года.

Государственные деятели и чиновники

Евгений Галактион, главный казначей Феодоро, 48 лет.

Ипполит Фотин, логофет Феодоро, 43 года.

Гавриил Домнин, топарх(2) Фуны, 54 года.

Константин Кирик, судья и логофет(3) Фуны, 55 лет.

Михаил Костас, турмарх(4) фунского гарнизона, 42 года.

Алексей Паисий, главный казначей Фуны, 30 лет.

Макарий Мирт, архимандрит Фуны, 61 год.

Аркадий Орест, служащий казначейства Фуны, 20 лет.

Виктор Аглай

Турмарх дружины Исаака Гавраса, 39 лет.

Моше Гирш

Караимский купец, 59 лет.

Глава первая. Алый закат

Август в Крыму 1470 года был, как и свойственно этому летнему месяцу, очень жарким. Солнце, так ярко светившее целый день в долине, наконец-то начало прятаться за горизонтом, своими последними лучами щедро освещая гору именуемой Дымящаяся. В лучах багрового заката эта одна из красивейших вершин Крыма, казалось, была в серо-бирюзовом цвете. Причудливые фигуры и каменные столбы, созданные силами ветра и воды, смотрелись с какой-то магической загадочностью. Но красива была не только сама гора, прекрасна и зелена была ее предгорная долина. У подножия Дымящейся располагался небольшой город под названием Фуна. От стен этого приграничного городка, утопая в садах и виноградниках, по направлению к морю спускались маленькие террасообразные усадебки и села.

Именно в это дивное время, когда листва деревьев, прощаясь с последними дневными лучами солнца, как-то по-особенному шелестела, и по округе раздавался уже затихающий стрекот крымских цикад, из близлежащего леса в долину выехал небольшой конный отряд.

Весь день эти путники практически без остановок скакали по ущельям и горным дорогам Феодоро, видев солнце лишь через густые ветви крымских лесов. Наконец-то выехав на открытую поляну, находящуюся на небольшом утесе, с кото-

рого открывался прекрасный вид, они смогли увидеть солнце уже в тот момент, когда светило должно было спрятаться за горизонт и вся долина бы, медленно начала погружаться во тьму.

Во главе этой походной колонны, ехали два всадника. Несмотря на то, что одеты они, были по-походному просто, их осанка и гордый внешний вид выдавали благородное происхождение. На них были одеты кожаные перчатки и жилеты, а на ногах виднелись охотничьи сапоги. По грязи на одежде было понятно, что всадники проделали немалый путь, но, несмотря на это, они держались бодро и общались между собой:

– Посмотрите, какая красота кругом, княжич, может быть, два года здесь и не будут такой мукой, как мы предполагали? – сказал один.

– Здесь, действительно, очень красиво, да и местное вино, если верить слухам, славится своей крепостью. Но боюсь, той веселой и беззаботной жизни, которую мы с тобой имели удовольствие вести в зланных переулках и кабачках столицы, здесь нам точно будет не хватать.

– Да и девицы в этом захолустье вряд ли такие же красивые и утонченные как в Мангупе, – отметил второй, но сразу добавил, – но все же, что-то мне подсказывает, что нам здесь скучать не придется. А девицы – везде одинаковые и не мне Вам рассказывать, что утром они уже не так желанны и привлекательны, как вечером.

– Да уж, – усмехнулся княжич, – может, Дмитрий, ты и прав. Поживем, увидим. Посмотри, какой сегодня алый закат. Я такого никогда не видел. Уж не вестник ли он предстоящих бед?

– Вы слишком суеверны. Я думаю, этот закат просто приветствует нас и является хорошим предзнаменованием, обещающим нам будущие приключения и победы.

– Ты, как всегда, настроен жизнерадостно. Ну, дай Бог, чтоб так и было. А сейчас нужно прибавить ходу, чтобы до темноты добраться в замок, – сказал он и, приказав сопровождающим ускориться, пришпорил лошадь и поскакал в сторону города.

Эти двое молодых людей были первыми красавцами княжества Феодоро и, пожалуй, самыми желаемыми и завидными женихами столицы. Княжич Александр Гаврас – наследник княжеского престола, и его закадычный друг Дмитрий, выходец из знатного в княжестве рода Андроников.

Александру было двадцать лет. Он был высокого роста с прямыми красивыми чертами лица. Лицо обрамляли густые черные волосы, а над губой были небольшие, аккуратно подстриженные усики. Ах, сколько девичьих сердец привлек один лишь вид этих усиков. Красивое мужское тело было в отличном физическом состоянии, и владел им княжич тоже отменно. Практически в любой схватке он выходил победителем, и только немногие, в том числе и его друг, могли соперничать с ним в умении сражаться.

Дмитрий был на два года старше и внешне совершенно не походил на Александра. Он был меньше ростом, но более крепок, имел небольшой животик, который, впрочем, ему совсем не мешал. На его голове росли прямые черные волосы, а на щеках уже виднелась мужская щетина. Тело Дмитрия было весьма коренастым, а руки от постоянных ратных упражнений были довольно грубы. Он выглядел старше своих двадцати лет. Однако за счет такой, настоящей мужской внешности, он пользовался огромной популярностью среди женщин. Лицо имело какое-то мужественное по-настоящему рыцарское выражение, но, несмотря на это, он отличался превосходным чувством юмора и был мастером скорчить гримасу, которая без слов объясняла его отношение к тому или иному вопросу.

Оба друга были максималистами, что объяснялось их молодостью. Однако хорошее воспитание и образование, способность все схватывать на лету и изощренность ума многому их научили за время жизни в столице.

Сколько история знала примеров, когда друзья ссорились из-за прекрасного пола. Но нашим друзьям очень повезло, и они честно разделили все женское население столицы между собой. Александр предпочитал юных девиц, а Дмитрия тянуло к женщинам постарше. Поэтому спора из-за слабого пола у них никогда не возникало.

Спустя два часа колонна достигла города Фуна. Этот небольшой приграничный город, был важным форпостом го-

сударства и одним из самых богатых феодалов (5) Феодоро. Его построил и укрепил еще прадед Александра Алексей I в противовес расположенной у Черного моря гетуэзской крепости Луста. Тогда это было совсем небольшое укрепление больше напоминавшее форпост. Князь Алексей поступил мудро и сделал Фуна феодалом наследника престола. В результате этого все потомственные князья, стремясь превзойти предыдущего, укрепляли и совершенствовали ее. Также расположение города было крайне выгодным, через него пролегла одна из главных дорог с гетуэзского побережья к степям Крымского ханства и богатые проездные подати оседали в казне княжичей. Уже спустя двадцать лет город и его окрестности стали одиннадцатой турмой княжества и ее владельца стали величать архонтом. Поэтому, несмотря на скептицизм Александра, Фуна к тому времени была не такой уж и маленькой и насчитывала не меньше трех сотен дворов, и за холустьем ее можно было назвать с большим трудом.

В первый раз, и до этого момента последний, княжич посещал свой феодал около полугода назад. В тот приезд он пробыл там совсем недолго, но отдал важное распоряжение о постройке часовни Святого Феодора Стратилата Воителя (6), в крепости над городом. Деньги на ее постройку собирали из проездных пошлин.

И вот он с удивлением обнаружил, что церковь уже построена и, возвышаясь над крепостью и городом, выглядит как-то по-особенному свято. Уже стемнело, и по обе стороны

церкви зажгли два больших факела, что придало ей еще более величественный вид. Глядя на нее, Александр подумал: "А действительно, не стоит огорчаться, ведь здесь в Фуне у меня есть отличная возможность научиться править. Если у меня получится слаженно руководить своим феодалом, то это впоследствии поможет мне научиться управлять всем княжеством". И уже более повеселев, он въехал в замок.

В это же самое время за алым закатом августовского солнца одиноко наблюдал человек в Мангупе. Это был не просто зевака, который идя по улице, остановился и засмотрелся на солнце. От одного только слова этого человека зависела жизнь любого жителя в княжестве, да и жизнь самого княжества в целом. На третьем этаже высокой башни пристроенной к княжескому дворцу стоял князь Феодоро Михаил I Гаврас. Он периодически поднимался туда и осматривал свои владения, которые очень хорошо просматривались с такой высоты. Ему было сорок три года. Он был очень высокого роста, худощав, но жилист и весьма хорош собой.

Михаил Гаврас глядел на закат и размышлял о жизни. Сколько всего сделал он на своем веку для княжества, а сколько ему еще нужно сделать. Он сумел отказать туркам в уплате мучительной дани, смог вести политику княжества без утомительных войн и укрепил экономику до небывалой прочности. Но все мысли князя были устремлены к восточной границе княжества, куда направлялся его сын и наследник Александр. Правильно ли он сделал, что отправил сына

в изгнание. Сможет ли Александр сам справиться со всеми трудностями в Фуне, не погорячился ли он, приняв такое решение. В этот момент к нему подошел его наставник и друг – Стефан Андроник:

– Переживаете, Ваша Милость? – спокойно спросил он.

– Немного, Стефан, – сказал, обернувшись, Михаил.

– Не стоит, мой князь. Вы прекрасно воспитали Александра, он славный юноша и настоящий Гаврас. Если он сейчас сам преодолеет все трудности, то станет поистине достойным наследником княжеского престола.

– А если нет? Он еще так молод и горяч.

– А вы вспомните себя в его возрасте. Уж я–то помню... – улыбаясь, сказал Стефан. – Доверьтесь своему сыну, и я уверен, он вас не подведет. Он настоящий сын своего отца, уж поверьте мне.

– И рядом с ним есть настоящий Андроник, – уже улыбаясь, добавил Михаил Гаврас. – Ты прав, что будет, то будет. Это все закат навеял на меня грустные мысли. Что у нас там с ужином?

– Уже все готово, мой князь.

И с этими словами они отправились принимать вечернюю трапезу. А закат все так же зловеще алел в безоблачном августовском небе и был предвестником множества бед, которые в ближайшие шесть лет настигнут все княжество.

Глава вторая. Теплый прием

Турмарш гарнизона крепости Фуна, Михаил Костас был одним из самых опытных воинов княжества. За его плечами, была не одна успешная военная операция, поэтому он руководил дружиной слажено и четко. Сам Михаил был высокого роста, очень крепкого телосложения, с короткими черными волосами и черной небольшой бородкой, которая украшала его большое и вечно улыбающееся лицо. За массивное тело солдаты между собой шутливо называли его «богатырем».

По утрам не было нужды трубить в горн для построения дружины, потому что басовый голос Михаила и так будил всех обитателей замка.

Костас был уведомлен о приезде княжича и поэтому успел подготовить гарнизон к встрече с ним. На его голове красовался только что вычищенный до блеска шлем, тело покрывала кольчуга, поверх которой располагалась накидка, а на ногах были новенькие сапоги. Поэтому вид у него был весьма торжественный.

Дружинники старались также быть на высоте и в ожидании господина привели свой внешний вид в полный порядок. Несмотря на то, что целый день их с поручениями гоняли до седьмого пота, все они выглядели помпезно и радовались приезду молодого архонта.

Когда Александр въезжал в главные ворота, дружина об-

разовала собой живой коридор. Первыми стояли два дружинника с именными флагами княжича, на которых был изображен его герб – золотая колыбель на зеленом щите. На них были геральдические табарды(7), а за ними стояли дружинники с факелами. Александр и его сопровождающие были обрадованы и приятно удивлены такой теплой встрече. поприветствовав свою дружину, княжич обратился к Костасу:

– Рад Вас видеть, Михаил, – сказал, слезая с коня, Александр. – Вижу все в полном порядке, – добавил он, обнимая Костаса. – Я прошу, позаботьтесь о размещении моей свиты и дайте распоряжение на кухню – пускай приготовят ужин, а то мы страшно голодны с дороги.

– Все уже сделано, Ваша Светлость, – ответил турмарх, учтиво поклонившись.

– Вот и прекрасно, – сказал Александр и перевел взгляд на человека стоявшего рядом с Костасом. Им был топарх города Гавриил Домнин.

– Приветствую Вас, почтеннейший Гавриил. Я думаю, что о делах турмы мы поговорим завтра, на свежую голову, а сегодня я приглашаю Вас отужинать вместе с нами.

– Для меня это великая честь, княжич, – учтиво ответил Гавриил.

– Ну что, друзья, мы идем ужинать, а после отправляемся спать. Все за мной! Михаил, отпустите гарнизон отдыхать и тоже присоединяйтесь к нашей трапезе.

С этими словами княжич и его приближенные направились к двухэтажному донжону(8), пристроенному к оборонительной стене.

– Вот, Дмитрий, это наша темница на ближайшие два года, – улыбаясь, сказал Александр.

– Уже не терпится узнать, как же в этой тюрьме кормят, – ответил Дмитрий и они оба расхохотавшись, вошли в донжон.

Мудрый турмарш Костас, действительно, все подготовил к приезду княжича. Свет ярко освещал зал, в котором на большом дубовом столе с двумя скамьями по бокам и стульями по краям красовался поистине княжий ужин. Молочный поросенок, гусиный паштет, жареные бараньи ребра, телячьи окорока и восхитительное молодое вино – это далеко не весь список яств, подававшихся в тот вечер. Крепкое молодое вино быстро сморило и без того уставших с дороги людей, и поэтому после ужина все быстро разошлись по своим комнатам. В зале остались только двое – Михаил Костас и Дмитрий Андроник.

Предки Дмитрия по мужской линии на протяжении нескольких десятилетий служили у князей Гаврасов и, благодаря этому, добились довольно высокого и благополучного положения в княжестве.

Отец Дмитрия – Стефан Андроник был очень близким сторонником князя Алексея II Великого – деда княжича Александра, и после его смерти стал наставником Михаилу I

Гаврасу, отцу княжича Александра. Он принимал участие во всех военных кампаниях Феодоро и отчасти благодаря ему Михаил Гаврас смог победить в междоусобице своего дядю Иоанна Гавраса и стать князем. В награду за его безупречную службу и заслуги, еще князь Алексей II Великий даровал Стефану несколько деревень недалеко от города Гавры, сделав его влиятельным тимариотом(9), а князь Михаил назначил Стефана топархом этого города, и не зря, ведь Стефан всегда помогал ему словом и делом. Он был прекрасным охотником и отличным воином. Именно поэтому, когда юный княжич подрос, ему в наставники по ратному делу князь назначил Стефана Андроника. Наставник обучал Александра и вместе с ним своего сына Дмитрия искусству владения луком и мечом, боевым построениям и премудростям тактики, а также, умению обращаться с лошадьми. Благодаря этим занятиям, юные феодориты стали не только хорошими воинами, но и самыми близкими друзьями, которых на княжьем дворе шутя называли "не разлей вода".

Довольно часто Стефан рассказывал юношам о своих больших военных походах и маленьких приграничных стычках с врагами княжества. Именно на этой службе он, уже видный командир, познакомился с тогда еще молодым дружинником Михаилом Костасом. Много они повидали сложностей на своем веку, но зато стали верными друзьями на всю жизнь. Именно Андроник похлопотал перед князем, о том, чтобы турмархом Фуны стал Костас и, в результате это-

го, Михаил возглавил дружину княжича. Старые вояки иногда собирались вместе, и Дмитрий хорошо знал Костаса. Поэтому когда все ушли спать, они остались обсудить насущные дела.

– Спасибо за теплый прием, Михаил, – начал Дмитрий, – после всего, что произошло, княжич сильно переживает, и поэтому такая теплая встреча пойдет ему на пользу.

– Да, я понимаю, – ответил турмарх, – а все-таки, что же на самом деле явилось причиной того, что вас отослали сюда из столицы?

– Я расскажу Вам все, что случилось, – сказал Дмитрий, наливая себе стакан вина. – Две недели назад мы с Александром отправились в предместье Мангупа. Для того чтобы нас никто не узнал, мы оделись как можно скромнее – в одежду простых горожан. Отправившись в кожевенный квартал, мы направились к кабачку «У толстяка». В этом заведении Александр и я были завсегдатаями. Толстяк, хозяин кабачка, знал нас в лицо, но не думал что мы такого знатного происхождения. Это устраивало всех: хозяин неплохо зарабатывал, а мы безмятежно отдыхали. Такое положение дел, позволяло нам частенько встречаться в кабачке со своими дамами, а их, как вы знаете, было не мало.

– Да уж, слухи о ваших легендарных любовных похождениях дошли даже до нашей глубинки, – усмехаясь, сказал Костас. – Чего стоил только ваш ночной побег от модистки в одном нижнем белье.

– В тот вечер я еще умудрился нарваться на городской патруль и бежал от него через городские сады, которые, к несчастью, были засажены розовыми кустами, но не будем об этом, – продолжил Дмитрий. – Так вот, в тот злополучный вечер мы стали свидетелями неприятной истории. Какой-то татарин в углу кабака громко кричал на девушку. Его слова были очень оскорбительны и, в конце концов, он дал ей звонкую пощечину и замахнулся, чтобы дать следующую. Естественно, мы не смогли не вмешаться в происходящее и громко сказали: «Эй, уважаемый, негоже мужчине измываться над беззащитной девушкой». На что незнакомец ответил: – «Не ваше дело, щенки, не лезьте в чужие дела, а то и вам достанется», – и явно выругавшись по-татарски, решил продолжить избивать свою беззащитную жертву.

– Какой мерзавец, – не выдержал турмарх.

– Вот и мы подумали так же, и от всей широкой мужской души отколотили негодяя. Именно в этот момент в кабачок, по какому-то неписаному закону подлости, зашел городской патруль. Всех нас тут же схватили и отправили прямо за решетку. А на следующий день выяснилось, что этот татарин был посланником самого крымского Хана, Менгли Гирея, а девушка была всего-навсего его наложницей. Хан тут же направил князю чрезвычайного посла с требованием наказать виновных и чтобы избежать серьезных неприятностей с Крымским ханством, нас отправили сюда в ссылку без права посещать столицу два года. Также на этот срок княжичу за-

прещено посещать совет архонтов(10). Именно поэтому он сейчас такой печальный.

– Да уж, не весело сейчас нашему Александру. Но ничего, я сделаю все от себя зависящее, чтобы его пребывание здесь было как можно более комфортным и приятным, – торжественно произнес турмарх.

– Ну, после такого шикарного ужина я даже не смею в этом усомниться, – ответил Дмитрий, и они оба рассмеявшись отправились спать.

Глава третья. Член семьи

Почти все, что рассказал Дмитрий, Костасу было, правдой. Все, за исключением того, чего не знал сам Дмитрий. Дело в том, что молодые люди все произошедшие с ними события свели к простой случайности. А это было далеко не так. Да и вообще, доля случайности в подобных ситуациях в княжестве Феодоро была практически равна нулю. Дворцовые интриги и заговоры еще во времена прадеда княжича, князя Алексея I, стали нормой жизни правящей элиты Феодоро и поэтому все случайности, впоследствии оказывались заранее спланированными комбинациями.

Человек, которому перешли дорогу Дмитрий и Александр был главным интриганом княжества. Он знал почти все тайны государства, и умело использовал их в своих руках. Его многочисленные помощники из личной дружины тщательно собирали слухи, сплетни и сведения, которые приносили своему хозяину, а он, как опытный кладовщик, накапливал их и хранил до нужного момента. Кого-то он покупал, кого-то запугивал, кого-то шантажировал, но так или иначе лучше всех в государстве владел сведениями.

Человек этот был знатным вельможей из самого благородного семейства княжества. Архонт турмы Каламита, член малого совета и совета архонтов княжества, родной брат князя Михаила I – Исаак Гаврас. По своей влиятельности в

Феодоро он был вторым человеком после князя, но жажда власти не давала ему покоя, и хоть он и так был ею не обделен, желание стать первым зародилось у него еще с детства.

Сорокалетний Исаак был небольшого роста и очень округлых форм. Он не был толст, а скорее кругл, причем довольно пропорционально. Да и вообще эта форма очень подходила ему, ведь он был как шар подвижен и всегда спешил по каким-то делам, которых у него имелось великое множество. Для подчеркивания своей важности и незаменимости, он брался за всевозможные крупные и мелкие дела, о половине из которых забывал, сразу выходя с заседания совета, а другую половину просто не считал нужным делать. А все потому, что его основное время уходило на то, что у Исаака получалось особенно хорошо – плетение интриг. Вот этому занятию он был готов от души предаваться и днем, и ночью.

Одевался Исаак Гаврас очень богато и ярко, подбирая в основном императорские пурпурные, фиолетовые и багровые цвета и чем-то напоминал большого и толстого фазана. На его коротких и ухоженных руках всегда красовались дорогие перстни украшенные рубинами, бриллиантами и изумрудами. Для незнакомых людей, он казался добряком и весельчаком, что было далеко не так, и этим Исаак постоянно пользовался, дабы усыпить бдительность собеседников.

Имея прирожденный талант интригана, Исаак давно и усердно вредил репутации княжича. Его соглядатаи собирали сведения о похождениях молодых друзей, и он различны-

ми путями преподносил их князю Михаилу. Но правитель был мудр, справедлив и сам когда-то молод, поэтому на все безобидные шалости Александра и Дмитрия смотрел сквозь пальцы, слегка порицая их. Он чувствовал, что сын не предаст его и прощал ему многое.

Поэтому однажды, Исаак придумал изощренную хитрость. Зная благородный нрав княжича, он приготовил ему ловушку, истоки которой были гораздо глубже, чем просто желание насолить племяннику. Дело в том, что князь Михаил I Гаврас был очень почитаем у простого народа за то, что первым из всех правителей княжества сумел установить с гегуэзскими колониями, называвшимися Капитанством Готия, мирные отношения и в течение двадцати пяти лет между государствами, не считая мелких стычек отдельных феодалов, были мирные отношения. Также Михаил отказался от дани Османской империи и Крымскому ханству, которая долгие годы тяжелым бременем лежала на простом населении Феодоро. Все это способствовало экономической стабильности и росту благосостояния простолюдинов. Поэтому весь простой люд воспринял это как освобождение, но нашлась небольшая группа влиятельных феодалов, которая была не согласна с такой позицией князя.

Несколько архонтов, боявшихся, что турки—османы предадут огню Мангуп, так же как они уничтожили Константинополь и Трапезунд, были против таких кардинальных реформ. За спиной Михаила Гавраса сформировалось мощное

и тайное оппозиционное течение во главе с его родным братом – Исааком.

Правильно рассчитав, что действия юного княжича против одного из влиятельных подданных крымского хана может привести к обострению отношений между Феодоро и Крымским ханством Исаак подговорил посланника Менгли Гирея выступить жертвой Александра. Несколько десятков золотых дукатов убедили посланника хана, из знатного и дружественного Исааку татарского рода Барын, окончательно согласиться с планом Исаака. Далее он подготовил стражу, и она лишь появилась в нужном месте в нужное время. Но игра Исаака зашла еще дальше, так как перед князем Михаилом он выступил защитником племянника, окончательно уничтожив следы своего заговора. Зная, что князю придется строго наказать Александра, он рьяно защищал его и пытался взять на поруки. Но естественно, все получилось так, как и задумывал опытный интриган.

Вместе с Александром Исаак также избавился и от Дмитрия, но невзлюбил он молодого конюха отнюдь не из-за его дружбы с княжичем. Дело было в другом. Слывший прилежным семьянином, Исаак, как и многие другие богатые и влиятельные люди княжества, тайно посещал любовницу. Звали ее Еленой, и она работала на кухне во дворце князя. Елене было двадцать пять лет и она была очень красивой женщиной. Ее черные, как ночь волосы, плавно спускались и покрывали нежные плечи. Прекрасное розоватое личико ча-

сто озаряла чарующая улыбка, открывающая ровные и белоснежные зубки. Пышная грудь слегка приподнималась при дыхании и в меру округлая фигура сводили Исаака с ума. Всего год назад он добился своего, и незамужняя Елена стала его любовницей. Конечно, она совсем не знала, что незамужняя она была именно благодаря действиям своего воздыхателя, который с упорством разъяренного быка убирал ее женихов с дороги. В итоге, не выдержав натиска, и будучи приласканной Исааком, Елена сдалась.

Но и у женщины могут быть слабости. И этой слабостью для Елены стал друг княжича – Дмитрий. Давно она заметила этого красивого юношу. Давно ритм ее сердца ускорялся, когда она, проходя мимо него, искоса глядела на его еще мальчишеские забавы. Но мальчишка рос и вырос в настоящего мужчину, который тоже стал, приглядываясь к Елене, ловить ее нежный взгляд. Год назад впервые открыто вспыхнула их страсть, когда они случайно столкнулись лицом к лицу в одном из коридоров дворца. Их первый поцелуй окончательно открыл и без того открытые глаза. Уже в эту ночь он был у Елены, и во всем Феодоро не было женщины счастливее ее.

Их роман продолжался тайно, но всякой тайне когда-нибудь приходит конец. Один из слуг Исаака, возвращавшийся домой после веселого ночного застолья в кабачке «Окорок», увидел Дмитрия выходящего из дома Елены, и проговорился служанке. Она в свою очередь сказала поварихе, а

та конюху, в результате чего, уже к обеду Исаак был в курсе всех событий. Страшную ненависть затаил он к Дмитрию, но выступить открыто против молодого соперника не мог. Во-первых, родители конюха были знатными и влиятельными людьми, во-вторых, князь покровительствовал другу сына, а в-третьих, это было бы признание собственного поражения, чего тщеславная натура Исаака не могла допустить. Поэтому, он как всегда решил действовать скрыто и в результате своего успешного плана убил одним выстрелом двух зайцев – избавился от назойливого соперника и рассорил отца с сыном.

Упоенный своей победой он ликовал у себя в доме.

Глава четвертая. Смотр

Сон молодых путников был по-настоящему крепким. Уставшие от дороги, удрученные своим изгнанием и охмеленные молодым вином Александр и Дмитрий спали, словно младенцы и проснулись лишь к обеду. Комната Дмитрия размещалась возле спальни Александра, и поэтому его он и увидел первым.

– Доброе утро мой княжич, – сказал Дмитрий, входя в комнату.

– Судя по яркому свету солнца, уже давно день, друг мой.

– Да уж, это точно подмечено. Хорошо мы отметили приезд. Молодое вино этого плута Костаса вчера совсем разморило нас, да и сейчас еще в голове гудит.

– Ну, ничего-ничего, сейчас позавтракаем и будем осматривать владения, а вечером у нас первый совет, ты не забыл, я надеюсь?

– Как можно княжич. Напротив, когда я просыпался, то все мои мысли были только о нем.

– Да, и у меня тоже, – сказал Александр, слезая с кровати.

– На совете главное, не переживать и делать все так, как советовал Вам Ваш батюшка. Тогда наверняка все получится, – поддержал княжича Дмитрий.

– Спасибо дружище, будем надеяться, – уже более весело ответил Александр.

Окончательно проснувшись, они оделись, спустились в мыльню, где приняли надлежащий вид, и после направились в зал. Там их уже ждал не то завтрак, не то обед, который они с удовольствием приняли, так как оба были отменными едоками. Именно за трапезой их и застал вошедший в зал Костас.

– Приветствую Вас, мой княжич. Как спалось?

– Благодарю, спалось отлично. А после вашего вина даже голова гудит не так сильно, как обычно.

– Это чудесно, Вы же знаете, что наше вино одно из лучших в княжестве. Если Ваша Светлость изволит, крепость готова к осмотру.

– Прекрасно. Через десять минут мы будем во дворе.

– Как прикажете, – учтиво ответил турмарх, выходя из залы.

Ровно через десять минут, справившись с трапезой, Александр и Дмитрий стояли вместе с Костасом во дворе замка Фуны.

Укрепление располагалось на скальном холме, который возвышался над самим городом. С юга и юго-запада холм имел скалистую структуру и весь был изрезан неприступными для неприятеля обрывами шестиметровой высоты, поэтому крепостные стены окружали замок с запада, востока и севера. Над обрывами же располагался широкий парапет для лучников, имевших возможность оттуда обстреливать неприятеля. Толщина стен достигала двух метров, а высота

доходила до пяти. Площадь замка равнялась примерно половине гектара.

Двор представлял собой довольно обширную каменную площадку со всех сторон обнесенную крепостными стенами. В центре у северной стены находился двухэтажный донжон. Именно в нем располагались покои княжича, комнаты для свиты, небольшой зал для приемов, кабинет и мыльня.

Через двор, напротив донжона, находилось большинство хозяйственных построек, которые примыкали к оборонительной стене: конюшня, хлев, кузня, кухня, склады для пищи и воды, оружейная и небольшая караульня – всего двенадцать больших и малых помещений.

Несмотря на сравнительно небольшой размер, в Фуне была довольно высокая плотность башен, расстояние между которыми было не больше пятнадцати метров. Выступая за линию стен, на пять и более метров, башни обеспечивали эффективный фланговый обстрел, прикрывая подход к куртинам(11). На площадках этих укреплений стояли лучники и рядом с ними находились камнемётные баллисты. Немного западнее донжона находилась недавно построенная церковь Феодора Стратилата.

– Весь гарнизон очень признателен Вам, княжич, за постройку этой церкви, – сказал Костас, указывая на храм, – здесь каждое воскресенье мы проводим молебны о здравии и панихиды за упокой.

– Да, это хорошо, что теперь у нас есть гарнизонная цер-

ковь, – ответил княжич.

– И не просто церковь, а целый бастион, – говорил Костас, когда все заходили внутрь здания.

И турмарх не врал. Над стенами Фуны почти на девять метров возвышалась эта великолепная церковь. Она имела цилиндрический свод и арки, обладавшие стрельчатыми и килевидными формами, напоминающие перевернутое днище судна в разрезе. Наличники окон с внешней стороны украшал резной орнамент. Первый этаж использовался как каземат, а для церковных служб предназначался второй. Здесь по бокам вдоль стен располагались небольшие колонны, увенчанные каменными растениями с красиво изогнутыми зубчатыми листьями.

Храм имел два входа. Один из них вел на первый этаж, откуда по внутренней лестнице можно было подняться наверх, а второй вход со ступенями из двора вел в самую церковь.

Выйдя из церкви через первый этаж, Александр и его спутники попали на малый крепостной двор, который по форме напоминал трапецию. Здесь было отхожее место служащих гарнизона, и тут проходила основная канализационная труба. Именно по этой причине запах там всегда оставлял желать лучшего и осмотрщики не стали долго задерживаться там.

– Осмотр укреплений навел меня на мысль о том, что стоит построить еще один этаж донжона. Тогда он будет еще больше возвышаться над стеной, а площадка на крыше бу-

дет настолько велика, что позволит разместить на ней две большие станковые камнеметные машины. Их совсем недавно установили в Мангупе, и они в несколько раз больше тех, которые сейчас стоят на остальных башнях Фуны, – заметил Александр.

– Это отличная идея, – согласился турмарх.

– И я хочу, чтобы посередине третьего этажа красовалась мраморная пластина с моим гербом. Пусть все видят, что я приехал сюда не как изгнанник, а как архонт, желающий по своему усмотрению управлять своей турмой, – гордо добавил княжич.

– Так поступают все генуэзские консулы Солдаи. Многие из них стараются во время своего правления построить оборонительную башню и назвать ее своим именем, укрепив там свой герб. Так почему бы и Вам также не увековечивать себя?! – согласился Михаил.

– Значит решено. А теперь, Костас, расскажите о наших дорогих соседях феодалах ди Гуаско, они по-прежнему нападают на наши поселения?

– К несчастью, да, мой княжич, эти ненасытные генуэзские разбойники Андреоло, Деметрио, Теодоро и их отец Антонио, как Вам известно, правят землями на западе от Солдаи. Их замок находится возле поселка гончаров Тасили. И, хотя торговля у них продвигается хорошо, они все равно периодически совершают набеги на наши усадьбы и села.

– Как же так, но ведь между Феодоро и Капитанством Готия – мир, почему они позволяют себе безнаказанно нападать на нашу землю? – возмутился Дмитрий.

– Они зашли настолько далеко, что даже перестали подчиняться указаниям своего консула Солдайи. У них большие связи в Кафе и поэтому, подеста (12), закрывает глаза на их действия. В своем феоде, который фактически подчиняется солдайской общине, эти весельчаки, установили виселицы, позорные столбы и начали самостоятельно, без разрешения консула, вершить там суд. А чтобы еще больше «подбодрить» местное население, ввели четыре дополнительных налога, – ответил Костас.

– Какие мерзавцы! – сказал Дмитрий.

– Да уж. Даже сам консул Солдайи ничего не может поделать. Но Ваша Светлость, у меня есть план борьбы с ди Гуаско. Правда, для его осуществления нам необходимы значительные средства, – слегка потупив взгляд, произнес Михаил.

– Это не проблема, меня хоть и выслали из столицы и лишили права посещать совет архонтов, но казну архонта не отняли. Так что средства найдем.

– Отлично. Тогда необходимо построить дополнительный форпост у южного склона горы Дымящейся, недалеко от Лусты. Это должна быть укрепленная каменная башня с сигнальными огнями на ее крыше. А в Фуне нам необходимо держать постоянно готовый конный отряд человек в де-

сять-пятнадцать, который немедленно помчится навстречу неожиданным гостям.

– А почему до сих пор вы сами этого не сделали?

– Потому что, во-первых, на границе необходим каменный, крепкий бастион, который сможет выстоять, хотя бы два часа до подхода подкрепления. А во-вторых, у нас просто нет лошадей. В гарнизоне их только две, да и те предназначены для гонцов, а пешим ходом опередить конного неприятеля практически не возможно.

– Вы считаете, эти меры остановят ди Гуаско?

– Я в этом убежден княжич.

– Ну, так нужно было закупить лошадей и начать стройку пограничной башни. Зачем же вы так долго ждали меня?

– Дело в том, что финансами у нас в турме руководит казначей Алексей Паисий (при произношении этого имени комендант скорчил недовольную гримасу), а он убедил топарха Гавриила, что нет необходимости в таких огромных тратах.

– Как это странно. Ну, ничего, отец перед моим отъездом довольно точно наставлял меня на то, что по приезду нужно сразу показать всем, кто истинный хозяин в Фуне. Сегодня вечером состоится совет и мы посмотрим, кто есть кто в моей турме, – уверенно сказал Александр, глядя на Дмитрия.

– Конечно, посмотрим, а если надо и пощупаем, – уверенно ответил его верный друг.

После этого все трое направились в свои покои для того, чтобы переодеться к вечернему совету.

Ближе к вечеру они оседлали своих лошадей и по извилистой дороге направились в город.

Буквально через несколько минут их кавалькада въехала на длинную центральную улицу Фуны. В разные стороны от нее уходили кривые тупики и переулки. На близком расстоянии один от другого в этих переулках стояли небольшие одноэтажные дома. В маленьких двориках теснились хозяйственные постройки. В домах, где не было возможности построить подвалы, вино, вода и сыпучие продукты хранились в глиняных пифосах. Эти вместительные сосуды веретенообразной формы, достигавших порой двухметровой высоты то тут, то там возвышались над землей. С севера показалась небольшая кладбищенская часовня. Она располагалась посередине Фунского некрополя и представляла собой небольшую базилику(13). За некрополем располагался район, в котором жили более обеспеченные жители города. Там все дома были двухэтажными, и каждый был обнесен высокой стеной. Такие дома, являли собой маленькие укрепления, которые в минуты опасности запирались, и окна вторых этажей использовались как бойницы.

Видя эту тройцу, все люди почтительно расступались, давая им возможность беспрепятственно двигаться к центральной площади города, и учтиво кланялись в знак уважения молодому архонту. В ответ Александр приветливо махал рукой, а его спутники кивали головами. Через некоторое время они оказались на центральной площади города, воз-

ле которой располагалось главное административное здание феода – казначейство.

Вся общественно-политическая жизнь Фуны была так или иначе сосредоточена вокруг этого здания. Да и, наверно, жизнь любого другого города происходит вокруг места сосредоточения денег.

Казначейство представляло собой двухэтажное каменное серое здание, над которым развивался флаг княжича. Крыша казначейства, как и крыши большинства домов княжества была покрыта обожженной оранжевой черепицей.

Возле входа был сделан небольшой козырек. Под ним, когда от дождя, а когда от палящего солнца прятались двое стражников, охранявших казначейство. Обычно они тихонько дремали на посту и не представляли для злоумышленников никакой опасности, так как от жары не обращали внимания на входивших в здание людей. Но к счастью злоумышленников в Фуне было не много и работе казначейства ничего не угрожало.

Заприметив подъезжающих стражники вмиг поднялись и заняли положенные им посты, отдавая честь своему господину. Приветливо кивнув им, княжич слез с коня и прошел к открытой дубовой двери, которая являлась входом в здание. За ним проследовали Дмитрий и Костас, последний проходя мимо своих подчиненных, пригрозил им кулаком.

Внутри здания располагались комнаты казначеев, помещение охраны, кабинеты чиновников и самого топарха. Был

там и небольшой зал для заседаний, который располагался в центре второго этажа. Именно в нем было принято решение провести первый, со времени приезда княжича, совет турмы.

Глава пятая. Первый совет

Обычно в совете заседали пятеро: топарх и управитель всеми делами турмы – Гавриил Домнин, судья и логофет турмы – Константин Кирик, настоятель городского храма, архимандрит турмы – Макарий Мирт, главный казначей, ведающий финансами Фуны – Алексей Паисий и уже известный турмарш фунского гарнизона Михаил Костас.

В зале заседаний уже собрались все кроме княжича и Костаса.

Гавриил Домнин был пятидесяти четырехлетним мужчиной среднего роста и такого же среднего телосложения. Круглое лицо, небольшая борода и богатая одежда – вот были основные отличительные черты его внешности. Выглядел он всегда озабоченно, и постоянно по делу и без дела суетился. Гавриил был представителем богатейшего рода турмы и коренным горожанином Фуны, поэтому, однажды выбор князя Михаила искавшего честного и толкового топарха пал именно на него. С точки зрения честности выбрав Гавриила топархом, опытный правитель попал в цель, а вот с точки зрения толковости промахнулся. Дело было в том, что Гавриил, как истинный знатный феодорит, действительно был честным чиновником и за все время работы не украл из казны ни единого мелиарисия (14). Но как управитель он был абсолютно пассивен и некомпетентен. Он очень ответствен-

но относился к делам, в большинстве которых ничего не понимал, но прислушивался к советникам, от мнения которых всегда и зависел. В финансовых и военных вопросах Домнин вообще не разбирался и всегда следовал советам казначея и турмарха гарнизона.

Константин Кирик внешне был очень похож на Гавриила и отождествлял с собой образ состоятельного феодрита. Он тоже был невысокого роста с небольшим брюшком, одевался в дорогие одежды и всегда носил на шее цепь с вверенной ему печатью. В его обязанности входило вершить суд и докладывать княжичу о том, что происходит в совете. С повеления Александра он ставил печать, в знак согласия архонта с тем или иным положением. Фактически Кирик был главным почтальоном и заведовал службой гонцов, которые постоянно отправлялись в столицу и спрашивали у Александра одобрение на тот или иной документ. Кирику было уже пятьдесят пять лет, но он так и не научился самостоятельности и мало-мальской решительности. Как судья, он был по-настоящему честным и ревностным хранителем закона, но как логофет за все время своей службы самостоятельно не принял ни одного, даже мало-мальски значимого решения. Его главным достоинством было то, что он был предан Гаврасам, которые поставили его на эти важные и почетные должности. Дмитрий и Александр, находясь в столице, часто смеялись над тем, как к ним приезжал гонец из Фуны и спрашивал одобрения княжича по поводу торговли виноградом на

площади, или по спору между бакалейщиком и торговцем рыбы. Однако Кирик всегда считал, что справляется с обязанностями образцово и поэтому неустанно исполнял свой долг, согласовывая все с молодым архонтом.

Архимандрит Макарий был статным шестидесяти однолетним мужчиной, высокого роста и с длинной белой бородой. Одним только своим умудренным видом, да внушительным возрастом архимандрит вызывал у жителей турмы чувство глубокого уважения. Несмотря на почтенный возраст, его лицо еще отражало ту красоту, которая была в более молодые годы и говорила о том, что он многим пожертвовал, облачившись в монашескую рясу. Вообще в княжестве было редкостью присутствие архимандрита в совете турмы, но Макария назначил на эту должность сам князь Михаил, с целью соблюдения всех церковных канонов и для того, чтобы приучить Александра к уважению православной церкви. Настоятель городского храма редко вступал в какие-либо споры и, как правило, только присутствовал на совете.

Самым примечательным и, безусловно, грамотным членом совета был тридцатилетний казначей Алексей Паисий. Он был среднего роста и, несмотря на свой уже зрелый возраст, выглядел как юноша, вернее, как остроумно подмечали местные весельчаки, как девушка. У него была худая, стройная фигура на хрупких ножках, тонкие руки, которые всегда были ухожены и не знали грубого труда, а на моложавом лице никогда не появлялась мужская щетина. Его внешний вид

вызывал у окружающих людей безобидный смешок. Служащие казначейства, дали Алексею прозвище, которое очень быстро прижилось за ним в городе. За глаза его называли «девица», что вызывало у казначея не только злобу, но и лютую ненависть, которую он, не стесняясь, срывал на зависимых от него служащих. И хотя это еще больше веселило их, так как в разгневанном виде этот хрупкий человек смотрелся комичнее обычного, казначей находил массу способов сделать их жизнь не такой радостной. Несмотря на скверный и угрюмый характер, Алексей Паисий, был мудрым казначеем и разбирался в финансах лучше, чем кто-либо в турме. Все догадывались, что он не так прост как кажется, но никто не знал, в чем секрет его успеха.

Ответ на этот вопрос хранился в богатом особняке, который находился на Цветочной аллее города Мангупа и служил резиденцией архонта Каламиты, родного брата князя Михаила I – Исаака Гавраса. Данный дом не только служил местом проживания Его Светлости в столице, но и негласно, чуть ли не важнейшим зданием княжества. Исаак, пользуясь своим влиянием, уже давно расставлял верных, или зависимых от себя людей на важные государственные посты по всем уголкам княжества. Его замысел был прост, благодаря этим людям, он владел информацией из каждой отдельной турмы, а их влияние на местном уровне можно было использовать в своих целях. Не исключением стала и Фуна.

Шесть лет назад в казначействе Каламиты, Исаак заметил

тихого, неприметного, но талантливого казначея. Им оказался Алексей Паисий. Быстро наведя справки о нем, Исаак узнал, что над внешним видом Алексея потешается все казначейство. Отлично разбираясь в людях, архонт понимал, что дав власть униженному над его вчерашними обидчиками, он заручится его преданностью на всю жизнь.

Так началась головокружительная карьера Алексея. За полтора года из простого служащего казначейства Каламиты ему удалось стать главой казначейства Фуны. Чтобы замести следы своего участия, Исаак направил Паисия, сначала в казначейство городка Кокия, а затем в столичное ведомство. А оттуда, приложив немало усилий, архонт перевел Паисия главным казначеем в Фуну. С тех пор брат князя знал обо всем, что происходит в турме из первых уст. Однако кроме этого Алексей проводил в Фуне большое количество денежных махинаций. Ему было нечего бояться, ведь кроме него в турме в финансах никто не разбирался, в результате чего значительная часть доходов Фуны оседала в карманах казначея и его влиятельного покровителя.

За действиями Алексея давно наблюдал Михаил Костас. Турмарх был прост и даже простоват в общении. Частенько из его уст вылетали ругательства и простонародные словечки, но зато он был бесстрашным и честным служивкой. Он говорил и делал то, что считал нужным. Год назад турмарх заподозрил Паисия в нечистоплотности и не стесняясь выпалил ему это прямо в лицо. После этого между ними началась

упорная борьба за влияние на топарха Гавриила Домнина, которое переросло в настоящую вражду.

Домнин, Кирик и Мирт мало что понимали в армейских делах и еще меньше в финансовых и поэтому поддерживали то Костаса, то Паисия в зависимости от обстоятельств.

Турмарх Костас всем нутром чувствовал, что Алексей ведет нечистоплотную игру, но пока не мог этого доказать. А казначей, постоянно чувствуя на себе тяжелый и недоверчивый взгляд соперника, пытался всячески очернить его и таким образом отправить в отставку. Их противостояние напоминало борьбу сокола и гадюки. Если один, выступал открыто и не стеснялся сыпать обвинениями, то другой делал все скрытно и тайно, пытаясь не привлечь к себе лишнего внимания. Перед приездом княжича обе стороны приутихли. Никто еще не знал чего ожидать от молодого архонта и каждый из них занял выжидательную позицию.

Когда княжич вошел в зал, четверо членов совета встали и учтиво поклонились.

– Я приветствую вас, мои верные поданные, – сказал княжич, занимая центральное место за столом и подав рукой знак позволяющий присесть остальным. – Для начала я хочу поблагодарить вас за ту службу, которую вы столько лет верно несете в Фуне.

– Вы слишком добры к нам, – лебезя, ответил Гавриил, – мы всего лишь верные слуги Вашей Светлости.

– Но все же, – не обращая внимания на слова Домнина,

продолжал Александр, – для того, чтобы быстрее вникнуть в дела турмы, я хотел бы попросить вас составить документ с указанием всех проделанных дел за последний год и добавить к нему подробный список о расходах и доходах. Мне кажется, недели на составление подобного документа хватит?

– Конечно, хватит, Ваша Светлость! А Вы успеете дражайший Алексей? – слегка с ехидством спросил у казначея Костас.

– Безусловно, успею, дражайший турмарх, надеюсь, и Вы управитесь в установленный срок, – с надменным видом парировал казначей.

– Позвольте представить вам Дмитрия Андроника, – указывая на своего друга, сказал княжич. – С этого дня он будет являться членом совета турмы в качестве нового логофета. Он будет заменять меня в мое отсутствие, и являться моими ушами и глазами на всех заседаниях.

– Но ведь раньше эту должность занимал Константин Кирик, – удивленно заметил топарх Домнин.

– Я полностью доверяю Константину, но считаю, что его нужно немного разгрузить, ибо он столько лет решал две таких тяжелых и утомительных задачи. Благодаря этому, – продолжал он, обращаясь к Кирику, – Вы сможете полностью сконцентрироваться на вершении правосудия, которого в наше время, к сожалению, становится все меньше.

– Как будет угодно Вашей Светлости, – вставая, сказал Кирик. – Я надеюсь, что Дмитрий будет достойным продол-

жателем сложившихся традиций, – добавил он, протягивая Дмитрию печать.

– Благодарю Вас, достойнейший Константин, я буду стремиться стать таким же честным и исполнительным логофетом, каким были Вы, – ответил Дмитрий, надевая на себя печать.

– Прекрасно, если у вас больше нет вопросов, я никого не задерживаю. У меня много планов и нам предстоит хорошо поработать на благо нашей турмы. Я прошу вас не задерживать отчеты, и особенно это касается Вас, Алексей. Состояние финансов сейчас беспокоит меня больше всего, – отметил княжич глядя на казначея.

– Как будет угодно Вашей Светлости, – ответил Паисий, учтиво поклонившись.

После этого все, кроме Дмитрия, так же склонились в учтивом поклоне и быстро покинули зал совета.

– Отличное начало, мой княжич, – улыбаясь, сказал Дмитрий. – Вы даже не дали им опомниться, и сразу показали кто хозяин в турме.

– Все не так просто Дмитрий. Самый крепкий орешек здесь Паисий, а он и глазом не повел, когда я заговорил об отчетах. Чувствую, игра только начинается.

– Значит, будем играть. Но дьявол меня раздери, как он действительно похож на девицу, – и все здание казначейства затряслось от их громогласного смеха.

Глава шестая. Прием

Вечером следующего дня в крепости был назначен официальный прием в честь приезда архонта. Это была необходимая официальная процедура, но Александр и Дмитрий, знатоки и любители подобных раутов, решили провести ее со столичным размахом, потому что данный прием был нужен им. Дело в том, что в свой первый приезд Александр был с отцом. И все знатные горожане, и пригородные тимариоты млели перед Михаилом I Гаврасом. Но теперь Александр был один, и хотел сразу показать всем, что господин здесь он и все должны беспрекословно подчиняться его воле. Дмитрию тоже нужно было показать себя во всей красе, ведь он стал членом совета турмы, а значит одним из важнейших людей Фуны. Да и к тому же, друзьям было просто интересно познакомиться с местной провинциальной, аристократией и заодно, провести вне гласный смотр женского населения турмы с целью присмотреть себе возможных спутниц для любовных утех.

Приготовления шли полным ходом. Посреди двора устроили место для большого костра, вокруг которого расставили длинные столы и лавки, на которых должны были размещаться гости. А на небольшой площадке возле донжона, чуть выше других столов, поместили стол княжича и его ближайших приближенных.

Для приготовления такого обилия пищи на помощь гарнизонному повару прислали десяток помощников из города. И они то и дело носились, то в погреб, то на двор, то еще куда-нибудь по хозяйственным нуждам готовя праздничный стол. Во всем замке стояла неумемная суета, и только часовые на башнях тихонько дремали.

Двое поваров во дворе развели костер и, обливаясь потом из-за августовской жары, жарили на большом вертеле целого быка. Они умело обдавали его молодым красным вином для того, чтобы мясо было более мягким и сочным. Запах жареного мяса вызывал необычно большое слюноотделение у солдат гарнизона, и время от времени было слышно урчание в их полупустых животах.

На большой телеге с личной винокурни княжича привезли две бочки молодого белого сухого вина. Так как целый день стояла сильная жара, и вечер тоже обещал быть душным, пить что-либо, кроме этого живительного утоляющего жажду напитка, было невозможно.

Для праздника закололи быка, трех баранов, четырех поросят, десять уток, несколько десятков кур и привезли большое количество овощей, фруктов, орехов и свежей рыбы, но главный повар все равно переживал, хватит ли всего этого для гостей. Феодориты любили поесть и выпить, поэтому княжич не скупился на угощения. Он хотел предстать перед своими поданными во всем величии.

За его столом, должны были размещаться высокопостав-

ленные персоны из совета турмы со своими семьями. Для них была заготовлена специальная дорогая и узорчатая фарфоровая посуда, а стол был украшен белой кружевной скатертью. Для остальных гостей приготовили посуду попроще – глиняную и столы накрыли скатертями поскромнее без помпезной вышивки и кружев. Но все равно, все смотрелось очень эффектно. Несмотря на то, что приезд Александра в общем-то был ссылкой, в воздухе витала торжественная атмосфера праздника.

Гостей ожидалось где-то человек шестьдесят. Для того чтобы они не скучали, Михаил Костас заранее нашел подходящих менестрелей, которым специально соорудили небольшой помост недалеко от столов.

Не зря целый день в замке стояла бешеная суета, не зря повар что есть мочи бранил своих помощников за нерасторопность и не зря Александр и его приближенные надели по последней моде сшитые легкие летние одежды. К вечеру все было готово. Над башнями развивались флаги княжича и Феодоро, все факелы ярко горели, и во дворе стоял идеальный порядок. Замок и его обитатели были готовы встречать гостей.

В районе семи часов начали прибывать первые гости, а к восьми часам все столы были уже заняты знатными горожанами, отставными вояками, мелкими помещиками, государственными служащими и приближенными Александра. Все с нетерпением ждали появления княжича. Наконец распахну-

лись двери донжона и первыми оттуда вышли герольд с гербом княжича, двое стражников в парадном обмундировании и глашатай, который громким официальным тоном зачитал:

– Наследный княжич Феодоро, архонт Фуны, Его Светлость Александр Гаврас.

В этот момент все присутствующие встали, и из темноты дверного проема появился княжич. Он предстал перед своими подданными во всем великолепии. Высокий, красивый, черноволосый в прекрасном костюме из бежевого бархата, Александр возвышаясь над всеми, словно монумент, медленно осматривал знатных жителей своего небольшого феода.

– Приветствую Вас, мои верные поданные. Присаживайтесь. – обратился он к гостям и после этого по всему двору началось скрипение скамей и гул садящихся за столы людей. – Я рад видеть здесь всех Вас и польщен тем, что вы пришли поприветствовать вашего господина. Ваша преданность и отдача нашему княжеству давно известна и поэтому для меня честь – быть архонтом города Фуна. Я постараюсь сделать как можно больше для нашей турмы и надеюсь, что вы будете верными помощниками во всех моих начинаниях, так как вы всегда были верны моему отцу. Мы не отойдем от сложившихся добрых традиций, и будем развивать наш город. Засим, я предлагаю начать наше праздничное застолье.

– Так выпьем же за нашего княжича, – завопил Дмитрий во все горло и все присутствующие подхватили этот крик.

– За княжича! За Александра! – летело со всех сторон.

Княжич торжествовал. Он купил всех. Стариков, польстив им, что для него честь быть с ними, юношей своим богатырским видом, а девушек своей красотой. После первых тостов заиграли менестрели, и праздник стал шумным и веселым. Дмитрий, одетый в очень модную и дорогую фиолетовую рубаху расшитую золотыми вензелями, принял на себя роль распорядителя и то и дело придумывал какие-то забавы. То он хватал охапками девушек и тащил их танцевать. То начинал устраивать различные состязания между юношами – кто быстрее выпьет кувшин вина или съест курицу. То беспрестанно провозглашал тосты.

Жители Фуны по-разному воспринимали пыл ближайшего приближенного княжича. Молодежь была в восторге от его неординарных выходок, старшее поколение отнеслось настороженно, а старики удивлялись. Но все сошлись в одном – такого зрителя печати у них в турме еще не было.

В отличие от подвижного Дмитрия, который ни минуты не сидел на месте, княжич был переполнен чувством молчаливого достоинства. Он мало двигался и ни разу не встал со своего места. Весь вечер он взглядом оценивал своих поданных, но так никого и не удостоил заострением своего внимания, и за все время ни разу не улыбнулся. Словно статуя в прекрасных одеяниях спокойно покоился он за столом со своими придворными и, не налегая на еду, лишь изредка подносил к устам кубок вина.

Люди всегда боятся и уважают то, что им не понятно. Поэтому прием Александра на все сто достиг своей цели. Не будучи многословным, он молчаливо и гордо возвышался над этой толпой, в которой благодаря вину, музыке и Дмитрию бушевали страсти. Принцип – молчаливой мудрости срабатывал сам по себе. Чем пьянее и шумнее становился Дмитрий, тем более величественным и мудрым на его фоне казался Александр. У пришедших на праздник людей волей неволей начало появляться чувство уважения к такому молодому, но такому величественному правителю.

Люди турмы Фуна мало разбирались в человеческой психологии и не понимали, что два закадычных друга просто играют перед ними спектакль. Будучи прекрасно образованными молодыми людьми, Дмитрий и Александр заранее договорились сыграть в так называемый гротеск перед гостями. И если Дмитрий был верхом активности и какой-то провинциальной простоты, уже приевшейся сельским жителям, то Александр завоевывал всеобщее уважение наоборот – он был, непривычно для всех, верхом спокойствия и величественности. В итоге, результат не заставил себя долго ждать. И если у Дмитрия наряду с новыми приятелями появились и недоброжелатели, то к княжичу все поданные, чисто интуитивно, стали испытывать нужное ему уважение и даже благоговение.

Во всеобщей серой массе только один человек без труда понял, что происходит. И сопоставив все имеющиеся у него

факты, быстро раскрыл замысел Дмитрия и Александра. К сожалению, для друзей, это был отнюдь не их доброжелатель. Этим человеком оказался хитрый и опытный Алексей Паисий. Постоянно поддерживая связь со своим покровителем Исааком Гаврасом, он был в курсе всех дел и знал, что представляют собой эти два молодых человека. Ведь, в сущности, в хмельном веселье Александр мало чем отличался от Дмитрия, и слегка переусердствовав с вином, мог так же бесчинствовать, как и его друг. Но так как этого не произошло, Паисий понял, что все происходящее это обычный спектакль столичных интриганов для глупых провинциальных простаков.

Тем временем приближалась ночь и довольные гости стали постепенно расходиться. Каждая семья перед уходом подходила к столу княжича и с благодарностью за оказанную честь учтиво кланялась Александру, а рядом сидевший с ним Дмитрий шептал на ухо архонту свои впечатления от общения с той или иной девушкой. В одном из таких семейных подходов перед Александром предстали представители знатного семейства Клеон.

Варвара Клеон была вдовой и после кончины мужа возглавила семейство. Ей было тридцать пять, но она сохранила ту женскую красоту и природную свежесть, которые могут себе позволить, дорого ухаживая за собой, состоятельные дамы. Она была пышногрудой, среднего роста, слегка полноватой блондинкой. Ее сопровождала дочь Ксения семнадцати лет,

а малолетний сын остался дома.

Дмитрий сразу подметил, что молодая вдова весь вечер не сводила с него глаз и пару раз, в танце гарцуя вокруг нее с какой-нибудь молодушкой, он обменивался с ней взглядами. Вот и теперь стоя перед княжичем, она не постеснялась бросить в сторону молодого логофета свой искрометный взгляд.

Ее дочь, напротив, смущаясь и краснея, исподлобья поглядывала на молодого, но уже такого мудрого, как ей казалось, архонта. Он ей понравился с первого взгляда. Но она боялась признаться в этом даже себе самой, ведь ей стал симпатичен не простой юноша, а сам наследник княжьего престола Александр Гаврас.

Но и самому Александру, который весь вечер как бы отстранено следил за всем происходящим, приглянулась эта красивая, молоденькая деревенская девушка и он впервые за вечер невольно улыбнулся.

Быстрый и острый взгляд Дмитрия уловил всю эту ситуацию, и он задиристо, но аккуратно пихнул в бок княжьи ребра. От неожиданности княжич ойкнул, чем вызвал легкое смятение у окружающих, которое впрочем быстро прошло и семейство Клеон удалилось.

После того, как удалились все гости со двора, стали собираться и княжьи приближенные, сидевшие за одним столом с Александром, и уже через полчаса на дворе остались только солдаты, да прислуга, занимающаяся уборкой крепостного двора.

Праздник удался, и радостный княжич вместе с Дмитрием направился в свой кабинет. По пути туда они зашли на кухню и взяли там несколько жареных кур и пару кувшинов вина, ведь Александр так толком не поел и не выпил этим вечером.

– Все прошло чудесно, не так ли, мой княжич? – спросил Дмитрий, заходя в кабинет и беря два стакана, чтобы налить вино.

– Да уж, все прошло как по маслу и мне кажется, никто ни о чем не догадался, – подхватил Александр, взяв стакан с вином.

– Да и кому тут догадываться? Вы их лица видели. Самые настоящие олухи, я уже молчу об их деревенской одежде. Это ж надо прийти на княжий двор в кожаных охотничьих камзолах, да еще и в летний зной. До сих пор вспоминаю запах конюшни исходящий от местных молодых людей.

– Ты слишком придирчив. Главное, что мы добились своего и я, кажется, произвел на них нужное впечатление.

– Произвели, произвели... да и как иначе, ведь на моем бесовском фоне Вы вообще смотрелись ангелом. Я думаю, после этого даже самые закоренелые скептики начнут уважать Вас.

– И возненавидят тебя, – с легкой усмешкой сказал княжич.

– Ну да не велика потеря, я готов принести эту жертву ради Вашего Величия. Но зато девицы здесь действительно отменные, кровь с молоком и, мне кажется, мой княжич, при-

ближается наше первое любовное приключение в Фуне. Такого у нас еще не было, чтобы нам одновременно понравилась мать и дочь, – сказал он, широко улыбаясь.

– Кого это ты имеешь в виду? – спросил Александр, выпивая вино.

– Я говорю о семействе Клеон.

– А с чего это ты решил, что мне понравилась дочь вдовы Клеон, мой любезный друг?

– Ну, во-первых, потому, что Вы сейчас не напряглись, и не стали мысленно перебирать всех представленных Вам сегодня дам вспоминая, кто же из них Клеон, а сразу поняли, о ком идет речь. А во-вторых, княжич, уж кому, как не мне знать Ваши вкусы и предпочтения. Как будто я не видел, как Вы на нее посмотрели. Да и как же она могла Вам не понравиться. Стройная, молодая, красивая блондинка с огромными голубыми глазами. Это как раз то, что Вы любите. Да я голову даю на отсечение, что мы еще не раз заглянем в их усадьбу.

– Берегись, девиц много, а голова одна. Ох, и хитер же ты, Дмитрий. Наверняка уже все распланировал. Сам с матерью, а я с дочерью, уж не собираешься ли ты сделаться мне тестем?

– А почему бы и нет. Вот было бы занятно породниться в такой необычной манере. Тесть старше зятя на два года, да притом, обходил с ним все значные мангупские харчевни, – сказал он, и они оба оглушительно расхохотались, после чего

направились спать утомленные праздником.

Глава седьмая. Не дремлющий

Вернувшись, домой после праздника, в отличие от остальных знатных гостей турмы, которые завалились спать, чтобы поскорее переварить все то, что было съедено и выпито, Алексей Паисий кликнул слугу и приказал ему приготовить гусяное перо, чернила и бумагу, а также зажечь свечи в его кабинете.

Дом Паисия находился в районе, где располагались жилища всех знатных жителей Фуны. Размером он был как и соседние дома, а вот богатством убранства и обстановки превосходил остальные здания города, кроме резиденции княжича. В комнатах дома лежали дорогие ковры, мебель была преимущественно из дуба, а кабинет был отделан редким красным деревом. В своем подчинении он держал четверых слуг, что в то время для чиновника его ранга было настоящей роскошью.

На вопросы знакомых, откуда столько денег на содержание такого дома честолюбивый Паисий отвечал, что он холостяк и денег на себя особенно не тратит, вот и пускает все жалованье на украшение обстановки дома. На самом же деле это было далеко не все состояние Паисия. В потайной нише его подвала был припрятан сундучок, в котором хранилась часть его капиталов, другую же часть он успел вложить в генуэзский банк Святого Георгия, на так называемый «черный

день».

Однако истинные причины его богатства были отнюдь не в отсутствии расточительной жены, а в том что, управляя финансами турмы, он периодически часть средств направлял в казну своего покровителя Исаака, не забывая при этом туго набивать деньгами и собственный карман.

Переодевшись в дорогой шелковый золотистый халат, Алексей Паисий заперся у себя в кабинете и, вооружившись белым гусиным пером начал писать письмо своему покровителю.

В этом документе было изложено все: и о первом совете, на котором княжич обязал всех представить доклады, и о сближении княжича с ненавистным Паисию Михаилом Костасом, и о хитром маневре Александра на сегодняшнем празднике. В общем, ничего не упуская из вида, Алексей описал все прошедшие за неделю события в городе.

Через два дня это письмо уже лежало в куче других писем на тяжелом дубовом столе в кабинете роскошного дома на Цветочной аллее.

Вернувшись с заседания совета архонтов, Исаак, как всегда, кликнул сына Тихона и принялся разбирать свои письма. Увидев послание от Паисия, он первым делом принялся за него. Быстро развернув своими толстенькими, но ловкими пальцами письмо, он начал зачитывать его вслух, всматриваясь в каждое слово. А когда закончил читать, громко фыркнул:

– Нет, ну надо же! Сам хоть и повеса, но все-таки настоящий Гаврас. Не успел приехать в Фуну, а уже взбудоражил весь город. Вот тебе и сослал племянничка. Неизвестно, где он опасней: тут, под моим присмотром, или там, вдалеке от меня. Еще, не дай Бог, вынюхает о моих делах с Паисием и тогда будет мне еще забота.

Его сын Тихон, всегда внимательно слушал отца. Дело в том, что этот крепкий и высокий двадцатилетний молодой человек практически ничего не понимал из того, о чем говорил отец и периодически произносил какую-нибудь глупость, после чего Исаак приходил в ярость и, не стесняясь, обвинял сына в слабоумии. Со временем Тихон научился вести себя при отце, он просто молчал и старался без нужды ничего не говорить, что бы лишний раз не провоцировать отцовского гнева.

Исаак пытался, вводить сына в курс всех дел, надеясь, что со временем Тихон станет его достойным преемником. Да и сам Тихон всем сердцем хотел, чтоб так оно и было, но природа распорядилась по-иному. Хотя в сыне были те же амбиции и та же злоба, что и в отце, сравнить их умом было никак нельзя. Мастер дворцовой интриги, любой ценой добивающийся победы Исаак, тщетно пытался обучить этому искусству Тихона. Тот совершенно не разбирался ни в психологии, ни в политике, ни в военном деле и, как бы отец ему не разжевывал, даже на половину не понимал, как тот добился того, или иного результата. Силен он был только в охоте и

безошибочно, на глаз, мог определять следы животных. Эх, если бы он родился в семье простого ловчего, как счастлив бы он был. Но он был сыном самого Исаака Гавраса и тот пытался сделать из него достойного наследника. Единственное, чему научился со временем Тихон, было умение распознать настроение отца, и попытаться вставить нужную фразу переводя внимание от себя подальше. Сейчас гнев Исаака был обращен на Александра, и он решил воспользоваться этой возможностью, чтобы подчеркнуть свое понимание и участие в отцовских делах:

– Какой же все-таки Александр подлец, сколько Ваших сил, батюшка, потребовалось, чтобы упрятать его в эту дыру, а он все не уймется, – возмутился Тихон.

– Ничего себе дыра. Чтоб ты лучше понимал, добрую четверть наших доходов мы получаем благодаря махинациям Паисия в Фуне. Это одна из самых богатых турм нашего княжества. А насчет того, что это я все подстроил так, чтобы Александра туда сослали, ты забудь, а то еще проболтаешься где-нибудь, дубина стоеросовая, – «ласково» обозвал своего отпрыска могущественный архонт.

– Можешь не переживать, отец, я никому не скажу. Так, а что же нам предпринять?

– Я еще подумаю над этим. Мы должны отвлечь Александра от управления турмой, и по возможности совладать с этой лисой Костасом. Нужно выиграть время для того, чтобы Паисий успел привести бумаги в должное состояние.

– А как это сделать отец?

– Еще не знаю. – Сказал тучный архонт и облокотил свою большую круглую голову на согнутую в локте руку. В этот момент за стенами города громко завыл охотничий рог. Это князь Михаил I Гаврас отпраплялся поохотиться в свои угодья.

– Отец, ты позволишь мне отправиться на охоту с князем?

– Что ты сказал, – переспросил Исаак?

– Отправиться на охоту с князем, – повторил Тихон.

– А ведь это отличная идея сынок, – воскликнул Исаак, вскочив со своего места, – как я сам не догадался – охота!

– Ну да, князь давно запланировал охоту! Так я могу поехать с ним?

– «Какой болван», – подумал архонт, выдыхая, но сыну он сказал следующее, – нет сынок не сегодня. Ты, сам того не зная, навел меня на отличную мысль. Завтра же ты отправишься в Фуну и устроишь там по-настоящему хорошую охоту. Чтобы наш Александр, Дмитрий и Михаил Костас так ею увлеклись, что забыли бы обо всем на свете.

– Тогда нужно устроить охоту на кабана, – уже размечтавшись, проговорил Тихон. Его мысли мгновенно унесли его в глубокую чащу. Он уже был там далеко в горах с луком и стаей гончих, которые с шумным лаем гнали на него дикого вепря...

– Да хоть на верблюда, – вскрикнув, оборвал его мысли отец, – Лишь бы охота длилась как можно дольше, чтобы

дать Паисию время что-нибудь придумать.

– Да, отец, как прикажете, – пробормотал он.

– Прихватишь с собой пару гончих из моей личной своры и не забудь взять вина покрепче, чтобы ваша охота была веселей и продолжительней. Вино это лучшее средство затянуть время. На охоте можно вообще обойтись только стаканом и кувшином, – и довольно потирая руки, Исаак направился в столовую обедать. За ним с гордым видом шел Тихон, думая о том, какую важную миссию на него возложил отец.

Глава восьмая. Незванный гость

С момента разговора Тихона и Исаака прошло два дня. За это время Александр и Дмитрий занимались изучением турмы. Вместе с Костасом они объездили восточные и южные границы, наметили место для постройки укрепленного форпоста и ознакомились с окрестностями города. Неоднократно их веселая компания останавливалась в той или иной усадьбе, хозяева которых считали честью принять у себя молодого архонта.

– Ты представляешь, сегодня у нас останавливался сам Александр, – гордо хвастались соседям провинциальные аристократы, – наверняка он запомнил нашу семью после приема у себя.

– А почему это только вас? Нас Александр заметил не меньше и тоже удостоил своим вниманием, и мы видели, как его друг, молодой логофет Дмитрий, подмигивал нашей дочери, – отвечали им соседи.

На самом же деле Александр старался посетить всех своих знатных подданных, дабы найти среди них наиболее лояльных, а также определить тех, кто холодно относится к нему.

К концу второго дня, после объездов, Александр и Дмитрий ужинали в уже привычном для них замковом зале:

– Ох, и смешные же у Вас поданные, княжич, – посмеиваясь, говорил Дмитрий, жуя при этом окорок, – ну прямо де-

ревенские аристократы. Каждый намеревается возвыситься в Ваших глазах и не упускает момент хоть немного, но очернить соседа. Их послушать, так каждый чуть ли не потомок самих Палеологов(15), а на деле – просто сборище провинциальных шутов.

– А я тебя предупреждал, что здесь будет, не так весело, как в Мангупе.

– Нет-нет, напротив, это все пока очень забавно. Я просто боюсь, в один прекрасный день, когда очередной напыщенный индюк, считающий себя потомком Византийских императоров, будет рассказывать Вам очередную глупость о том, что у его коров упал надой или куры перестали нестись, не сдержаться и расхохотаться ему прямо в лицо. И вдобавок крикнуть: «Ну и болван же ты, милейший».

– Да было бы забавно, но ты не должен забывать, что с недавних пор ты являешься не только моим другом, но и логофетом турмы. Так что, пока при нас подданные, умерь свои шуточки.

– Как прикажете, мой княжич, – сказал Дмитрий, наливая вино.

В этот момент в зал вошел Костас.

– Простите, что беспокою Вас, княжич, но дозорные доложили, что в двух часах езды отсюда появились всадники с эмблемами Вашего дяди – архонта Исаака.

– Чтобы это могло означать? Всего неделю меня нет в столице, и ко мне уже едут всадники. Неужели дражайший дядя

так по мне соскучился? – с иронией произнес Александр.

Дело в том, что хотя в последний раз Исаак и защищал Александра перед отцом, когда разбирали его драку с ханским посланником, все же племянник недолюбливал дядю. На всех немногочисленных собраниях совета архонтов, на которых был Александр, он наблюдал постоянную борьбу между своим отцом князем Михаилом I Гаврасом и дядей Исааком во многих вопросах. Камнем преткновения был вопрос об уплате дани туркам османам и Крымскому ханству. Споры об ее отмене не прекращались вот уже четыре года. Укрепив Феодоро в военном и административном отношении, князь Михаил отказался в дальнейшем ее уплачивать, а его брат Исаак был ярким противником этого нововведения.

В этой борьбе молодой Александр всегда был на стороне свободолюбивой и независимой политики отца и осуждал Исаака за трусость. Он старался не показывать этого и на советах вел себя тихо. Каким-то шестым чувством, он догадывался, что Исаак не тот патриот, за которого себя выдает и помышляет лишь о личной власти, но своими догадками и наблюдениями делился только с Дмитрием. Поэтому новость о приближении кортежа с гербами его родственника не очень-то обрадовала Александра, но благородство и правильное воспитание тут же заставило его отдать все необходимые распоряжения о приеме неожиданных, но почетных гостей.

Когда колонна всадников из шести человек въехала в во-

рота замка, Александр увидел своего двоюродного брата Тихона со свитой. Отношения у княжича и Тихона были самыми простыми. Когда Александр был еще ребенком, ему часто навязывали общество двоюродного брата. Все общение с ним, уже тогда сводилось только к охотничьей тематике, ибо еще с детства Тихон охотился на голубей, воробьев, кошек и прочую городскую живность. В драке он был силен, но брал исключительно физической мощью, в то время как Александра учили в первую очередь думать головой и пользоваться слабостями противника, поэтому не удивительно, что в итоге княжич сдружился с находчивым и хитрым Дмитрием, а не с грубым тугодумом Тихоном.

Но, в любом случае, они уже выросли, и приезду двоюродного брата Александр радовался гораздо больше, чем, если бы вместо него прибыл его, как он называл Исаака при Дмитрии, «дражайший дядюшка». К тому же Тихон был лучшим ловчим княжества, а это сулило отличную охоту. Но все же, что-то непонятное беспокоило княжича. И не только его одного.

– Странно, как-то, мой княжич, – произнес Дмитрий, – не успели мы уехать из столицы, как к нам тут же примчался Ваш братец, и это при том, что в Мангупе он не баловал нас своим вниманием. Нужно держать ухо востро.

– Не слишком ли ты подозрителен? Может быть, Тихон действительно соскучился по мне. Впрочем, не будем угадывать, он уже подъехал, – и с этими словами они спустились

к всадникам.

– Рад видеть тебя, брат мой, – сказал Александр, протягивая руки к слезавшему с коня Тихону. – Чем обязан такой честью?

Все фразы, которым Тихона заранее обучил Исаак, вылетели из его огромной, но бестолковой головы и поэтому, чтобы не мямлить перед Александром и его другом, остряком Дмитрием, он решил говорить только о том, в чем разбирался. А как уже стало известно, разбирался Тихон только в охоте.

– Приветствую Вас, друзья мои. Дело в том, что мне стало известно – в лесах вокруг вашего замка обитает несколько стай диких косуль. А также есть отличное поголовье диких кабанов. Вот я и подумал, а почему бы нам не устроить славную охоту. Ведь вы здесь в заключении наверняка скучаете, а охота – это как раз то занятие, которое позволяет отвлечься от всего на свете.

«Какой дурак, приехал помочь забыть об изгнании и сразу же напомнил об этом», – подумал Дмитрий, но продолжал глупо улыбаться и слушать этого верзилу, который, была б его воля, жил бы на охоте в лесу.

– Это чудесная мысль, мой дорогой брат, и я рад, что ты не забыл меня и решил присоединиться к моей небольшой, но дружной компании. Мы сейчас разместим твоих слуг, накормим собак и лошадей, отужинаем и отправимся спать. Решено, завтра с утра мы едем на охоту.

– Ваша Светлость, извините, что вмешиваюсь, но я просто считаю своим долгом напомнить, – на завтра был запланирован совет турмы... – начал было Костас, но его прервал Александр.

– Ну, ничего, ради такого случая, как приезд моего брата, мы перенесем совет на несколько дней. Предупредите всех членов об этом.

– Как будет угодно мой княжич, – скрепя зубами, но покорно ответил Костас.

И отдав распоряжения о подготовке охоты Александр, Дмитрий и Тихон пошли в донжон.

На дворе остался один только Костас. Он был раздражен тем, что совет перенесли. Но с другой стороны у турмарха открылись глаза на один очень тонкий нюанс. Он давно подозревал, что у Алексея Паисия есть тайный покровитель и вот теперь он узнал кто это. Ведь Костас, единственный из всех, сразу понял цель визита Тихона в Фуну. И не в косулях, кабанах и тоске по брату было дело, а в том, что сроки сдачи итоговых документов уже поджимали Паисия. Предложенная охота просто сбила расписание княжича и дала главному казначею дополнительное время подготовиться.

Костас правильно рассуждал: «Пока они там будут кабанов гонять, Паисий будет латать казну и в итоге опять выскользнет из западни». Но он не посмел сказать об этом княжичу, так как не хотел показаться неотесанным мужланом и перечить своему господину, притом, что убедительных до-

казательств о нарушениях казначея у него еще не было. В целом, Костас и так за один день узнал больше чем за год наблюдений. Паисия покрывает Исаак Гаврас, теперь он в этом был уверен.

– Ничего я еще прижму эту гадину к стенке, – подумал он и с этой мыслью отправился давать распоряжения о завтрашней охоте.

Глава девятая. Охота

Несмотря на то, что все обитатели замка проснулись рано утром, на улице уже было довольно душно и стало понятно, что день будет жарким. Но никто из участников охоты абсолютно не переживал по этому поводу и, несмотря на ранний час, все были бодры и находились в отличном расположении духа. Оседлав коней Александр, Тихон, Дмитрий, двое всадников из гарнизона и трое пеших слуг, ведущих собачью свору, направились в охотничьи угодья княжича, которые располагались в лесу севернее города.

Учитывая жару, охотники были очень легко одеты и вместо привычных кожаных жилетов надели простые рубахи. Когда они достигли леса, было уже невыносимо жарко, и охотники решили сделать небольшой привал и подкрепиться.

– Как Вам сегодня спалось, дражайший Тихон? – поинтересовался Дмитрий у жадно пьющего вино здоровяка.

– Спасибо, дружище, отлично.

– А что снилось Вам на новом месте? – продолжал Дмитрий, наливая Тихону еще стакан вина.

– Мне снился большой кабан, которого загнала наша свора, и представляете, я убил его одним ударом вот этим самым кинжалом, – и он указал на свой охотничий кинжал, которым разрезал сочный желтый персик.

– Ясно, – невольно хихикая и косясь в сторону княжича, ответил Дмитрий. – А вот мне снилась очередная красotka, которая играя со мной, сама попала ко мне в руки.

– В сущности, мой дорогой друг, тебе приснилась та же охота что и Тихону, только вместо свирепого кабана, дичью выступила прелестная девица, а оружием поразившем ее был не кинжал, а сладостные речи.

– Девицы, к слову, бывают кровожаднее самого опасного вепря, – добавил Тихон и вся компания расхохоталась.

После этого колонна уже перестроилась в охотничий строй. Слуги спустили стаю гончих, и последовали за ними, чтобы в нужный момент подать своим господам сигнал о начале охотничьей гонки.

С момента того, как спустили гончих, прошло всего полчаса, а вся кавалькада, обратив коней в галоп, уже мчалась к северной части леса, откуда прозвучал сладкий для ушей охотника звук охотничьего рога. На бешеном скаку, забыв обо всем на свете Александр, Тихон и Дмитрий гнались за диким вепрем, который, несмотря на свой крупный размер, на огромной скорости снося все на своем пути, пытался вырваться из окружения, устроенного умелыми действиями Тихона. И вот спустя еще полчаса наступил момент истины. Загнанный к непроходимой скале, кабан оказался в ловушке. Вокруг него лаяли и верещали гончие, слуги с рогатинами не выпускали зверя из западни, а умелый и опытный Тихон уже занес над вепрем свое охотничьей копьё. Буквально

какой-то миг и на весь лес прозвучал последний, но оглушительный визг красавца-кабана. Больше не будет он носиться по этим протоптанным тропам, никогда больше не одержит победы над своими противниками в борьбе за свинью-самку, но зато станет поистине достойным и изысканным кушаньем за вечерним столом у княжича Александра.

В то время, пока доблестные охотники добывали себе праздничный ужин, в доме Алексея Паисия все остановилось. Еще с вечера он распорядился, чтобы утром в доме была полная тишина и, закрывшись в своем кабинете, Алексей размышлял о своих делах. Это был уже не первый день его усиленного обдумывания сложившейся ситуации, но пока на ум казначея ничего не приходило. Паисий был в ярости и срывал всю свою злобу на домочадцах, которые за неделю экзекуции в испуге забивались в самые отдаленные углы дома и старались не попадаться на глаза своему разгневанному хозяину.

В большинстве турм княжества, бюджет архонта формировался исключительно за счет налогов с местного населения, мелкой знати и ремесленников. Но благодаря своему географическому положению у Фуны была еще одна важная статья доходов – плата за проезд с побережья Капитанства Готии в степной Крым и обратно. Все купеческие караваны от Чембало до Лусты и из степного Крыма к генуэзским портам двигались через Фуну, тем самым обогащая ее финансы постоянным дополнительным и очень существенным

проездным сбором. Именно махинации с ним позволили Паисию стать самым богатым человеком турмы и изрядно обогатить своего покровителя Исаака Гавраса. И вот теперь излюбленная кормушка стала для казначея ловушкой.

Паисий уже несколько дней обдумывал свой документ о поступлениях средств в казну турмы. В нем вырисовывалась огромная финансовая дыра, прикрыть которую пока никак не получалось. И наконец, сегодня утром к нему в голову пришел вариант решения проблем.

Паисий позвонил в колокольчик и в его кабинет очень аккуратно и тихо, помня скверное настроение хозяина, вошел слуга Федот. Не очень умный, но фанатично исполнительный он был самым первым слугой Паисия и в доме являлся домоправителем.

– Немедля пошли человека в казначейство. Пусть он позовет моего служащего Аркадия Ореста и тот, не мешкая, придет ко мне.

– Как прикажете, – сказал домоправитель и почтенно поклонившись, поспешил исполнить приказание хозяина.

Через полчаса Аркадий Орест уже стоял перед Паисием. Среднего роста, в меру мускулистого телосложения этот двадцатилетний длинноволосый блондин был причиной вздыхания многих девушек города. Однако, на все их ласки он отвечал только холодным, отсутствующим и надменным взглядом. Мало кто знал о причинах такого поведения.

Дело было в том, что богатый и влиятельный Паисий, ко-

торый на людях был всегда угрюм и всем недоволен, лишь в обществе этого юноши был добр, мил и покладист. Забавное прозвище «девица», которое дали Алексею в Фуне, подходило ему еще и потому, что, не имея успеха среди женщин, Паисий, со временем стал мужеложцем. Самое смешное, что он был им всегда, но долгое время боялся признаться в этом даже самому себе.

Воспользовавшись своим положением и богатством, он приблизил к себе Аркадия и со временем превратил его в своего любовника. Но ради истины, стоит отметить, что любил Алексей Аркадия по-настоящему, так как может любить человек готовый на все ради своей любви. Только перед ним он млел и только ему мог довериться во всем. Аркадий был не только его любовью, но и другом, единственным другом за всю его жизнь. Он, кознями и интригами ограждал Ореста от девушек, затуманил ему разум десятками подарков, и полностью привязал его к себе.

Аркадий, слабый и мягкий по жизни, ничего не мог противопоставить настойчивому и сильному Паисию и поэтому повиновался всему, что говорил ему Алексей. Он не любил его, но уважал и боялся. Он видел богатство и влияние Паисия, знал его скверный и мстительный характер, но рядом с собой он видел его совсем другим и поэтому уже просто привык к нему.

Именно по этой причине к себе в дом Паисий позвал «своего» Аркадия.

– Аркадий, друг мой, я рад тебя видеть. Прости, что не достаивал тебя своим вниманием на этой неделе, у меня, как ты знаешь, была огромная куча проблем, – сказал он, когда Аркадий вскоре пришел к нему в дом.

– Я все прекрасно понимаю, – мягко ответил Аркадий, который наоборот радовался, что целую неделю отдыхал от телячьих нежностей Паисия.

– Наконец-то я нашел решение моей проблемы, но для этого мне понадобится твоя помощь.

– Чем я могу Вам помочь?

– Все предельно просто. Ты должен будешь сегодня ночью, после работы, когда все уйдут и город уснет, пробраться в архив казначейства, вынести оттуда все финансовые документы, касающиеся пошлин взимаемых за проезд через турму и уничтожить их.

– Но ведь архив под замком, – попытался возразить Аркадий

– Да, но ключ от него у меня.

– А зачем все это нужно?

– А затем, что сегодня ночью, после того как ты вынесешь документы, тебе будет нужно их сжечь, а так как старые бумаги никто никогда не проверял, я окажусь кристально чистым перед княжичем. Уже к завтрашнему утру я подготовлю новые бумаги и сам верну их на место. Уменьшая прибыль, мы тайно уменьшим и убыль, и таким образом имеющаяся дыра в казне будет документально уничтожена. Но об

этом никому ни слова, слышишь?

– А если меня схватят стражники?

– Да не будь ты трусом. Никто тебя не схватит. Стражники будут спать мертвым сном, я приказал выдать им сегодня больше вина.

– А почему Вы сами этого не сделаете? – все еще недоверчиво спрашивал Аркадий.

– Да потому, что ищейки Костаса возможно следят за мной, и я не смогу незаметно вынести бумаги из здания, а ты сможешь это сделать, и никто ничего не заподозрит. К тому же, завтра утром я верну бумаги на место, но уже в исправленном виде, – утвердительно ответил Паисий.

– Ну, если Вы считаете что это необходимо, я согласен, – наконец сдался мягкотелый Аркадий.

– Вот и хорошо, а теперь иди ко мне мой мальчик, – и, прижав к груди Аркадия, Паисий нежно поцеловал его. – Сейчас отправляйся обратно в казначейство, а после домой. Когда наступит ночь, спокойно иди в архив и вынеси оттуда бумаги, да смотри, ключи от архива не забудь, – и с этими словами он выпроводил Аркадия, вручив ему ключи от казначейства.

Глава десятая. Настоящий охотник

Пока княжич вместе со своим окружением гонялся за диким кабаном, а Паисий придумывал способ, как выйти из затруднительного положения, Михаил Костас задумал настоящую охоту. Только целью его были отнюдь не косули, кабаны, или зайцы – его целью была «добыча» покрупнее и позубастей, а именно – главный казначей Фуны Алексей Паисий.

Еще несколько дней назад, по просьбе Костаса, Стефан Андроник, отец Дмитрия, отправил ему из Мангупа одного караима знающего толк в финансах. Звали его Моше Гирш. Это был маленький сухенький человечек с худым овальным лицом, быстрыми карими глазками и горбачьим носиком. Он всегда передвигался на своем сером ослике Шекеле, названном так в честь древнееврейской серебряной монеты.

Моше родился в бедной караимско-еврейской семье неподалеку от усадьбы Андроников. Его мать была еврейкой, а отец караимом. По традициям этих двух иудейских народов он считался и евреем, и караимом. Это была гремучая смесь, и сила двух национальностей соединилась в одном человеке. Еще покойный дед Дмитрия, заметил этого талантливого проныру, не имевшего никакого образования, но разбиравшегося в финансах как настоящий ученый казначей. За долгие годы службы Моше отложил довольно приличный капитал, так как Андроники не скупилась, оплачивая его услуги.

Но открыть настоящее большое дело не мог, так как караимам было запрещено официально заниматься крупной торговлей, а можно было только содержать мелкие лавки. На выручку ему пришел Стефан, который все затеи Моше Гирша позволял воплощать в реальность через свое имя. То есть, он считался официальным хозяином всего, чем владел находчивый караим, но все финансы, за исключением небольших процентов, возвращал Моше. Основным делом Гирша было производство и продажа мыла из бентонитовой глины.

По наущению Моше, еще будучи совсем молодым, Стефан приобрел бентонитовый карьер вблизи Каламиты, и уже через полгода их собственное мыло продавалось в лавках по всему княжеству. Даже княжеская фамилия, не брезгуя, приобретала это средство гигиены. Моше разбогател, купил себе богатый дом в Мангупе, нанял прислугу и наложниц, но по-прежнему помогал семейству Андроников, частично из любви, а частично из страха все потерять и поэтому всегда спешил им на помощь.

Так вот, именно он на своем бессменном ослике Шеке-ле прибыл к Михаилу Костасу для того чтобы помочь ему разобраться в финансах турмы. Прибыв в город, Моше направился в небольшую лавку, которая располагалась недалеко от центральной площади Фуны. В этой лавчонке продавалось уже упомянутое мыло и прочие средства гигиены, которые производил караим.

Естественно, по законам любой караимской семьи того

времени, заправлял лавкой один из многочисленных родственников Моше, его младший двоюродный брат Яков. Он был не так ловок, как старший брат, но, как и всякий караим умело вел коммерческие дела. Все законы Талмуда, священной книги иудеев, действовали только между самими иудеями, поэтому Яков, который мог без зазрений совести обчитать посетителей, был кристально честен и открыт перед своим родственником.

– Шалом, мой дорогой брат, – сказал Моше, входя в лавку. Его быстрые глазки в силу привычки первым делом осмотрели все помещение, полки, столы и товары, а уже после обратились к Якову, – давненько я тут не был.

– Шалом, Моше, я рад тебя видеть. Конечно давно, последний раз ты был тут несколько лет назад и больше в Фуну не появлялся. Что привело тебя сюда?

– Всему свое время, брат. Сейчас я хочу разместиться у тебя и мне нужно отправиться в крепость – у меня там дела, а вечером мы с тобой все обсудим.

– Конечно, как хочешь. Я сейчас прикрою лавку и пойду тебе помогу разместиться.

– Нет-нет, брат мой, лавку закрывать абсолютно ни к чему – это лишняя потеря прибыли. Я и сам прекрасно справлюсь. Работай и ни о чем не беспокойся, – сказал Моше и, хитро улыбаясь, пошел располагаться на втором этаже этого дома.

Быстро разложив вещи, переодевшись и немного перекусив, Моше направился к дому Костаса, предварительно

узнав у Якова его месторасположение.

Когда он прибыл к турмарху, того не оказалось дома, и узнав у домоправителя что Костас в замке, Моше направился туда. Через двадцать минут дружинник уже докладывал Костасу о том, что у ворот замка какой-то странный человек на осле спрашивает разрешения встретиться с ним.

– Немедленно проводи его ко мне, – скомандовал турмарх.

– Слушаюсь, – ответил дружинник, а уже через минуту перед властным воякой Михаилом предстал прожженный караимский торговец Моше.

– Рад видеть тебя, Гирш, – воскликнул Костас и, вскочив со стула, подошел к караиму, и крепко обнял его. Они уже были знакомы, так как Михаил часто гостил у своего друга Стефана и не раз виделся в его доме с Моше.

– Взаимно, Михаил, – проскрипел караим, аккуратно высвобождаясь из крепких объятий. – Я рад услужить Вам. Рассказывайте, что у вас тут случилось?

Сев на свое кресло и предложив присесть гостю, Костас достал бутылочку белого вина, налил в стаканы и, протянув один из них Моше, начал рассказывать обо всех своих подозрениях, наблюдениях и предчувствиях относительно Алексея Паисия. Моше внимательно слушал, слегка прищуриив свои маленькие серенькие глазки, то и дело попивая налитое вино. Несколько раз он останавливал турмарха и просил рассказать поподробнее тот или иной фрагмент и когда Костас закончил, проговорил:

– Этот ваш Паисий – настоящий хитрец. Он действительно знает толк в финансах и чтобы противостоять ему, нужно иметь не дюжий ум. Однако, даже самые большие хитрецы не могут сделать все идеально чисто. Моя тактика всегда заключалась в том, что нужно приходиться к большому через малое. Нужно найти какой-нибудь небольшой изъян в его работе и через него привести Паисия к большим неприятностям. Тем не менее, перед тем как принять такое серьезное сражение, да еще и на поле врага, необходимо очень тщательно подготовиться. Мне нужно получить доступ к бумагам казначейства и это должно быть тайно, чтобы враг не опередил нас раньше времени.

– Я понимаю, ты хочешь действовать как настоящий охотник, который вырыл волчью яму и тихо ждет, пока зверь сам в нее попадет.

– Примерно так, мой друг.

– Ну что ж, это можно устроить, ведь здание казначейства охраняют мои люди. Ночью я буду их убирать, и никто не помешает тебе знакомиться со всеми финансовыми документами турмы. Но помни, Моше, что все это мы делаем без ведома княжича и если он узнает о наших делах, может всякое случится. Никому не говори об этом.

– Ну, разумеется, Михаил, – успокоил его караим.

– Сегодня вечером я приду за тобой, и мы вместе отправимся в путь.

– Я буду ждать Вас в одиннадцать часов вечера у ворот

дома моего брата Якова – торговца мылом.

– Договорились, до вечера.

После этого Моше спокойно вышел из зала, так же спокойно сел на своего ослика и не торопливо отправился в дом к своему брату.

Каждый вечер к нему тайно приходил Костас, и они вдвоем отправлялись в казначейство и при тусклом свете пары свечей разбирались с бумагами. Моше был уже в почтенном возрасте, но по своей прыти в деле изучения документов намного опережал Михаила. Все время жмурясь, он, тем не менее, с огромной скоростью прочитывал и перелистывал те или иные бумаги, постоянно что-то помечал себе гусиным пером на листе и аккуратно складывал изученные листы так, чтобы никто не заподозрил, что их кто-то просматривал. За этим занятием прошло два дня.

Третий день, а вернее третья ночь, секретной проверки как раз совпала со временем охоты княжича и его брата Тихона.

Александр, Дмитрий, Тихон и вся их свита вернувшись с охоты, закатали в замке настоящий пир. Убитый ими дикий вепрь был целиком зажарен на огромном костре, в котором казалось, пылало целое дерево. Вино лилось рекой и уже к одиннадцати вечера все звуки в замке стихли. Гуляки, ослабленные охотой и охмеленные вином, разбрелись по своим комнатам и уснули крепким сном.

Только когда из всех комнат доносился громкий храп,

турмарх Костас надел свой темный плащ и направился к дому торговца мылом Якову. Когда он подошел к обговоренному месту, то увидел, что его спутник уже ждет его. Они по-дружески поприветствовали друг друга и направились к казначейству.

– Прости что задержался, мой друг Моше, но нужно было присмотреть, за этими выпивохами, а то они без моего призора могли в хмельном угаре спалить замок.

– Да, ну и молодежь нынче. Помню, я в их годы работал, не разгибая спину, а эти только и делают, что пьют да по охотам разъезжают.

– Ну, ты сравнил, себя – пройдоху-еврея и княжеских отпрысков, – сказал Костас и захохотал.

– Я не еврей, я – караим, – слегка обиженно сказал Моше.

– Да какая разница, все вы – дьявольское отродье, хоть еврей, хоть караим, одного поля ягоды. Всегда богатые, ну точно без Сатаны не обошлось – сказал Костас и снова захохотал.

Так идя и непринужденно болтая по опустевшему городу, они подошли к главной площади, где располагалось казначейство. В момент, когда они вышли из переулка, возле входной двери здания суетилась какая-то тень.

– А это кто там такой, – тихо произнес Костас, – Сейчас я его поймаю.

– Подождите, дражайший Михаил, подождите, – ответил Моше, удерживая своего решительного спутника, – давайте

лучше проследим за этим человеком и посмотрим, что он там ищет и куда он нас приведет.

– Да, Моше, ты прав, – согласился Костас и с этими словами они притаились за углом расположенного неподалеку дома.

Тем временем, незнакомец тихонько открыл дубовую дверь и скрылся за ней в здании казначейства.

– Нужно дождаться, когда он найдет то, что ему нужно и будет уходить из здания, вот тогда мы его и схватим, – шепотом произнес караим.

– Да, это верно, но где его поджидать, ведь он может вылезти и через окно.

– Вряд ли, ведь он явно хочет оставить все без следов, иначе он не открывал бы дверь. Он будет выходить из здания, так же как и проник туда, а мы подождем его у двери.

– Какой же ты все-таки хитрый черт. Ну точно, – водишь дружбу с козлоногим, – и турмарх захихикал, с трудом сдерживая свой громогласный смех.

Они потихоньку подошли к казначейству и спрятались за углом. Наблюдая за зданием, ночные ревизоры обратили внимание, что тусклый огонек горел только в архиве.

Спустя полчаса свет в окошке погас и Костас приготовился схватить злоумышленника. Буквально через минуту скрипнула дверь, и из здания вышел человек среднего роста с капюшоном на голове. Мощным прыжком Михаил выпрыгнул из своего убежища и одним сильным ударом в го-

лову сбил незадачливого воришку с ног. У того от неожиданности и силы удара из рук вылетела сумка, из которой выпало несколько рукописных листов на землю. Не дав ему опомниться, Костас схватил его за шкирку и силой поволок обратно в здание.

Следом за ними из убежища неторопливо вышел Моше. Он не спеша подобрал сумку и бумаги, внимательно осмотрелся по сторонам и как всегда спокойной походкой проследовал в казначейство, аккуратно закрыв за собой тяжелую дубовую дверь.

Глава одиннадцатая. Добыча

Незадачливым грабителем, который так легко попался в руки Костаса и его друга караима оказался не кто иной, как Аркадий Орест. Алексей Паисий, как и обещал, дал ему ключи от дверей казначейства, и Аркадий с наступлением темноты отправился туда. Не увидев вокруг здания стражников, он подумал, что это редкая удача, и, не теряя времени, направился в архив. Зная, какие ему нужны бумаги и где их искать, он довольно быстро набил свою сумку всем необходимым и собрался отправиться к своему покровителю. Но как только Аркадий вышел из здания, то сразу получил оглушительный удар по голове и совсем растерянный и потерянный в пространстве попал в цепкие руки Михаила Костаса.

И вот Орест, немного придя в себя, обнаружил, что сидит на полу посреди архива казначейства, на голове у него большая шишка, а компанию ему составляют турмарх гарнизона Михаил Костас и какой-то старикашка. Оба они очень внимательно смотрят на него и ехидно улыбаются.

– Неужели, Вы, молодой человек, не знаете, что не хорошо брать чужие вещи? – спросил Моше.

– И что это ведет к очень серьезным неприятностям, – добавил Костас, поглаживая свой огромный кулак.

– Меня зовут Аркадий Орест, и я работаю в казначействе. Дело в том, что произошло недоразумение, вы все не пра-

вильно поняли... – начал было Аркадий.

– Нет, братец, это видимо ты ничего не понял, – прервал его Костас, – в данной ситуации у тебя два выхода. Первый – ты сейчас, честно рассказываешь нам, что ты делал здесь и кто тебя послал, а мы в свою очередь подумаем, что с тобой в этом случае будет. И второй – ты продолжишь рассказывать нам байку о том, что ты совершенно случайно, по делам, ночью забрел в казначейство и тогда я, вызову стражников, и они поместят тебя в тюрьму на хлеб и воду, и то только до завтрашнего утра. Потому что завтра я устрою тебе такой допрос с пристрастием, что ты пожалеешь о том, что не принял сегодня правильного решения, – и для убедительности турмарх сильно пнул ногой плечо Аркадия. – Надеюсь, я понятно изъясняюсь, друг мой?

– Я еще раз повторяю, что работаю здесь и просто зашел забрать нужные бумаги, чтобы поработать дома, – всхлипывая, упирался Аркадий.

– Мы теряем время, ты хочешь умереть, так я тебе это устрою, я вздерну тебя на дыбу, вот тогда ты у меня поплачешь, – не сдерживая своего гнева, кричал Костас.

– Я ни в чем не виноват, не виноват, – уже рыдая, стонал Аркадий.

– Ну-ну, молодой человек, не стоит так упорствовать, тем более мы и так знаем почти все. Чистосердечно рассказав нам правду, Вы можете спасти свою жизнь, – спокойно проговорил Моше, – я даже помогу Вам. Послал Вас сюда, Ар-

кадий, Алексей Паисий, Вы должны были выкрасть какие-то документы и уничтожить их. Так ведь? – Аркадий молча, закивал. – А на место уничтоженных он хотел положить другие бумаги, верно? – Орест уныло повесил голову. – Ну, вот видите, ничего сложного, а Вы упирались. Вот эти бумаги – «О взимании пошлин за проезд», те самые?

– Да, – выдавил из себя всхлипывающий молодой человек.

– Ну вот мы все и выяснили. А теперь посидите минутку тут, а мы с моим другом отойдем, поговорим, хорошо?

– И без глупостей, – сухо добавил Костас.

Они закрыли дверь в архив, и вышли в соседнюю комнату.

– Лихо ты его обставил, – с восхищением сказал Костас, – уж не думал, что у тебя столько талантов. Как ты все узнал еще до того, как он открыл рот?

– Покорнейше благодарю. Все очень просто. Ключи от архива хранятся у трех человек. У Вас, у топарха и у казначея. Соответственно, если он проник через двери, то у него были ключи, потому что на взломщика этот парень совсем не похож. Гавриил никогда не расстался бы с ключом, Вам он тоже нужен, остается только Паисий. А то, что он должен уничтожить эти бумаги я понял сразу, потому что у главного казначея нет больше выхода из сложившейся ситуации, кроме подмены документов. Ваше наблюдение относительно того что у Паисия есть сильный покровитель, было правильным. Именно поэтому в турме ни разу не было настоящей казначейской ревизии из столицы. Алексей делал с финансами что

хотел и сам загнал себя в тупик чувством своей неуязвимости и безнаказанности.

– Нет, ну какая же сволочь. Я сам его выпотрошу.

– А вот этого не советую. Сейчас не нужно пороть горячку. Мы должны сыграть на чувстве непобедимости Алексея. Нужно убедить этого слабонервного парня сделать так, как выгодно нам и тогда мы прижмем к стенке вашего казначея.

– Пусть этот Аркадий попробует отказаться, я его по полу размажу. Говори, что ты предлагаешь?

– Мы позволим нашим друзьям полностью совершить задуманное, но внесем в него свои коррективы. Пускай этот нытик расскажет своему покровителю, что уничтожил бумаги. Тогда Паисий, как ни в чем не бывало, представит на отчет подложные документы, а Вы, уважаемый турмарх, обнаружите настоящие. Вот это будет скандал. Пускай тогда наш казначей попробует вырваться из западни.

– И нужно будет еще заставить этого слюнтяя дать показания против женоподобного Паисия.

– Совершенно верно.

– Ну, предоставь это мне. Прекрасная идея, Моше. Ты действительно гений.

– Я всего лишь скромный караим.

При этих словах они вернулись в соседнюю комнату.

– Эй ты пресмыкающееся, – крикнул Костас Аркадию, – слушай внимательно и запоминай, потому что от этого будет зависеть твоя никчемная жизнь. Сейчас мы отпустим тебя, и

ты отправишься прямо к своему дружку. Скажешь ему, что все в порядке и документы ты уничтожил. Естественно о нашей приятной встрече ты не скажешь ни слова. Думаю, это понятно?

– Да понятно, – отвечал совсем поникший Аркадий.

– В нужное время я воспользуюсь твоей помощью в качестве свидетеля и когда я тебе прикажу, ты расскажешь о том как, когда и зачем тебя посылал сюда Паисий. И не забывай, что твоя жизнь зависит теперь от меня. Хоть одна неосторожность с твоей стороны повлечет ее окончание. Ты хорошо меня понял?

– Понял.

– Я тебя предупредил, а теперь проваливай прочь и не забудь, что в нужный день ты поведаешь всем об этой ночи, а пока забудь все.

– Как прикажете, – скулящим голосом ответил Орест.

С этими словами Костас поднял своей огромной рукой Аркадия с пола, протащил через все здание и сильным пинком вышвырнул вон из казначейства.

– Славный и сговорчивый этот парень, не так ли, – спросил у Михаила наблюдавший за всей этой расправой Моше?

– Да уж, сама любезность, – ответил Костас и они, оба засмеявшись, собрали все бумаги и удалились из казначейства.

Глава двенадцатая.

Такое радостное утро

Утром Паисий ликовал. Как ловко он все придумал. Как все легко воплотилось в жизнь. Казалось, сама богиня Фортуна ему благоволила.

Когда ночью к нему пришел Аркадий и сообщил, что он уничтожил злосчастные бумаги, то радость ослепила главного казначея и он даже не заметил растрепанного и взволнованного вида своего непутевого сообщника. Не обратил внимания, что того до сих пор трясет от пережитого и не услышал, что Аркадий запинается на каждом слове. Ему было на это уже наплевать. Он торжествовал, он был триумфатором, никто не мог сравниться с ним в хитрости и ловкости. Ах, как же замечательно он все провернул. Поэтому рано утром Алексей Паисий приказал принести ему самый дорогой свой костюм из фиолетового бархата и, надев его, широко улыбаясь, направился в казначейство.

Придя туда самым первым, он тихонько прошел в архив и также тихо и незаметно достал поддельные бумаги из своей сумки и положил их на место украденных. А после этого, как ни в чем не бывало, направился в свой кабинет и занялся привычными делами.

Не менее радостным было и утро в доме Михаила Коста-са. Он проснулся в прекрасном расположении духа, который

стимулировался стопкой документов, лежавших в ящике его стола, так ловко добытых им вчера у Аркадия Ореста. Наконец, у него появился отличный шанс окончательно добиться победы над своим врагом, и он не желал более оттягивать этот радостный момент. Быстро позавтракав и надев свою форму, он направился в замок.

Михаил Костас был не силен в интригах и закулисных играх, он был отличным военным и предпочитал битву в чистом поле, а не партизанскую войну из-за угла, в которую его заставлял все эти годы играть главный казначей. Прирожденный лидер и смелый воин Костас был очень горяч и нетерпелив, и его помощнику Моше стоило не малых усилий прошлой ночью уговорить его не выкладывать все карты сразу, а попытаться сыграть с Паисием в игру по его правилам. И хоть бой предстоял на поле противника, теперь у Костаса на руках были очень сильные козыри. Поэтому перед тем как зайти к княжичу, турмарш собрал все терпение, которое у него только было, чтобы не выпалить все имеющиеся у него сведения.

Но, когда Михаил прибыл в замок, Александр и все остальные участники вчерашней охоты, сморенные вечерней трапезой, еще спокойно спали в своих кроватях и грозный комендант не решился прервать их сладкий утренний сон. Это время обратилось для него в настоящую муку. Михаил не мог усидеть на месте. В ожидании пробуждения княжича он рыскал по крепости взад и вперед, то и дело, устраивая на-

гоняй своим подчиненным за ту или иную оплошность. Наконец часы пробили десять часов, и обитатели замка начали проявлять первую утреннюю активность. Когда Александр открыл глаза, первым перед ним предстал не брадобрей, или горничная, а именно комендант. Так как в замке было много гостей и комнат на всех не хватало, Дмитрий спал в комнате Александра и тоже проснулся от громкого голоса Михаила Костаса.

– Доброе утро, мой княжич, – начал он, – как Вам спалось?

– Спасибо, превосходно, – потягиваясь, ответил Александр, – что-нибудь случилось?

– Нет-нет, я просто зашел поинтересоваться, когда будет долгожданный совет турмы? Ведь планировалось провести его еще вчера?

– Я думаю, что нет необходимости спешить с советом. Ведь если нет ничего особенно важного, его можно провести и позже, тем более что у меня сейчас гостит брат.

– Конечно-конечно, но я осмелюсь напомнить, что Вы поручали всем чиновникам нашей турмы в недельный срок подготовить документы о работе проделанной за минувший год. Так вот, эта неделя вчера уже закончилась.

– Я помню это, но мне кажется, что если мы перенесем его на пару дней, ничего не случится.

– Дело в том, что по Фуне могут поползти слухи, что молодой княжич больше предпочитает охоты и забавы, чем

управление его собственной турмой. А у местных жителей уже сложилось представление, что Вы настоящий архонт и достойный правитель, – слегка прибавив тон, и сделав ударение на последнее словосочетание, добавил турмарх. Костас рисковал навлечь на себя обиду и гнев Александра, но сознательно шел на этот риск, так как пытался, во что бы то ни стало, добиться проведения совета турмы в кратчайшие сроки, пусть даже если для этого понадобится задеть княжича за живое.

Александр выпрямился в кровати, и широко раскрыв глаза, ответил:

– Что ж, в этом есть доля истины, возможно Михаил Вы правы. Забавы, забавами, но обязанности, прежде всего. Тогда, пошлите гонцов всем членам совета, сегодня вечером я жду их в зале заседаний казначейства с бумагами о проделанной за год работе, – и при этих словах Александр встал с кровати и начал одеваться к завтраку.

С довольной улыбкой Костас отправился во двор крепости. Помимо того, что нужно было подготовить совет турмы, ему нужно было заняться и собственными приготовлениями. Поэтому сев на своего коня он направился к дому торговца мылом, в котором жил его друг и союзник, опытный Моше Гирш.

– Моше, Моше, все идет по плану, – радостно вскрикнул он, входя в комнату караима, – сегодня я наконец-то прижму эту гадину к стенке, на вечер назначен совет.

– Прекрасно-прекрасно, – сказал Моше, потирая свои сухенькие ручки. – Но нужно подстраховаться. Вы должны быть уверены, что этот мужеложец Аркадий все сделает правильно.

– Ему некуда деваться. Если он пойдет на попятную, я придушу его собственными руками.

– Но все же, зайдите к нему перед советом и убедитесь, что он не выкинет сюрприза.

– Да, Моше, я так и сделаю. Еще я хочу, чтобы ты тоже там присутствовал, перед залом есть небольшая прихожая для посетителей, и ты сможешь там разместиться и слышать все, что будет происходить на совете. Ты сможешь выступить свидетелем, если этот мерзавец Орест не будет сговорчив.

– Как пожелаете турмарх, но Вы же знаете, как в нашем княжестве относятся к мнению караимов.

– Ничего, в совете теперь заседает Дмитрий, сын твоего покровителя, а уж он-то догадается поддержать нас.

– Да будет так, – сказал Моше Михаилу, который уже выходил из комнаты.

Следующий свой визит Костас планировал совершить Аркадию Оресту. Но тут он столкнулся с небольшими затруднениями, потому что нужно было поговорить с тем с глазу на глаз, а Орест целый день трудился в казначействе под зорким глазом Алексея Паисия. Поэтому Михаил написал небольшую записку, в которой сообщал, что через полчаса будет ждать Аркадия в кабачке «Гусыня», в котором сам был за-

всегдаем. Записку он передал стражнику казначейства, а тот в свою очередь незаметно отдал ее Аркадию.

Через тридцать минут Аркадий пришел в небольшой, но уютный кабачок, где в специально отведенной комнате, его с бокалом сухого вина ждал Костас.

– Проходи, – сказал турмарх входящему в комнату казначею, – выпить хочешь?

– Нет, благодарю Вас, – отвечал Орест, – я отпросился ненадолго, сказав, что мне нужно к больной матушке.

– Что ж ты не думал о ней, когда вчера ночью крал бумаги из казначейства? – с издевкой спросил Михаил. – Ну да не об этом речь. Сегодня твоим мужеложским мучениям придет конец. А может это никакие не мучения для тебя, а? Ну да мне на это наплевать. Вечером будет совет турмы. На нем я намерен предъявить те бумаги, которые ты вчера выкрал из архива.

– Ну, а что Вы хотите от меня? Я же Вам их уже отдал.

– Не перебивай нытик, ты мне их не отдал, я их у тебя забрал. Так вот, – продолжил он, – ты вместе с Моше будешь сидеть в прихожей у дверей залы совета, и если мне понадобятся твои показания, то ты появишься и расскажешь всем как обстояло дело. Доложишь, что Паисий заставил тебя выкрасть бумаги, под угрозой расправы и спокойно удалишься.

– Но он, же не простит мне предательства и обязательно отомстит, – начал хныкать Орест.

– Думаю, что после этого совета он уже никому не от-

мстит, а отправится на виселицу. И главное, если ты склеишь дурака, или выкинешь какой-то другой фокус, на виселицу отправишься ты, как главный исполнитель преступного заговора с похищением документов, но я сумею сделать так, что до виселицы ты просто не дотянешь. Я тебе ясно говорю?

– Да турмарх, – скуля, ответил Аркадий.

– Ну и славно. Если сделаешь все правильно, я помогу тебе выпутаться из этого дерьма, в которое тебя втянул твой любовничек, но без фокусов, а то, – и турмарх громко стукнул по столу своим огромным кулаком. От одного вида этого кулака внутри у Аркадия все сжалось и он, учтиво кланяясь, вышел из комнаты, а довольный Костас допил вино и направился домой готовиться к вечернему совету.

Глава тринадцатая. Долгожданный совет

Совет турмы был назначен на шесть часов вечера. На него, помимо основных участников, в качестве гостя Александр и Дмитрий решили позвать и гостившего у них Тихона. Его присутствие позволило бы без усилий передать в столицу информацию о том, что дела у княжича идут хорошо, и он со своей ссылкой справляется отлично, как и полагается наследнику князьего престола. Поэтому за обедом они пригласили Тихона присутствовать на совете, и тот не стал возражать.

А согласился он быть на совете не из-за любви к подобным собраниям, напротив – он их не переносил, но вспоминая слова отца: «Миром владеет тот, кто владеет знанием», решил посетить совет и потом дословно передать все происходившее там отцу, чтобы выслужится перед ним.

Поэтому в районе половины шестого эта троица, одетая в парадную одежду, оседлала коней, и тронулась в сторону городского казначейства.

Ехали они не спеша и делились своими впечатлениями от недавней охоты.

– И все-таки, напрасно сегодня мы не отправились поохотиться на косулю. Я всем своим внутренним чутьем чувствую, что без добычи мы бы не вернулись, – сказал Тихон.

– Да полно тебе, Тихон, какая охота? Мы проснулись сегодня только к обеду, а твой оглушительный утренний храп разогнал всех косуль в окрестностях замка, – ответил Дмитрий и оглушительно захохотал.

– Это потому, что я не думал, что мы с утра пойдем на охоту, а вот если бы мы с вечера договорились, то рано утром я сидел бы в седле, – обиженно ответил Тихон.

– Да, точно, только вот рано утром, какого дня? – опять насмешливо спросил Дмитрий и вновь разразился смехом.

– Ну, полно вам, – останавливая их спор, сказал Александр, – ничего страшного, брат мой. Сегодня мы должны провести наш совет, а завтра с утра отправимся охотиться на косуль. Потерпи немного.

При этих словах они подъехали к казначейству. Двое уже не дремлющих, а наоборот бдительных стражников подбежали к ним, чтобы принять лошадей, а молодые аристократы прыгнули с них и направились в здание.

Когда они вошли в зал для заседаний, то обнаружили что все члены совета уже в сборе и заняли свои места. В момент, когда появился княжич, они почтительно встали и поклонились. Александр занял свое центральное место за столом, Дмитрий, как и положено логофету – справа от него, а Тихону, как представителю фамилии Гаврасов, отвели заранее приготовленный стул слева от архонта.

– Я приветствую всех присутствующих и благодарен вам за то, что вы так быстро собрались на совет, – сказал Алек-

сандр, усаживаясь на стул, – итак, что у нас сегодня на повестке дня?

– С Вашего позволения, – сказал Дмитрий, вставая со своего места, – основным поводом для проведения собрания было Ваше распоряжение о составлении членами совета документов о работе за предыдущий год.

– Совершенно верно, – поддержал молодого логофета топарх Гавриил Домнин, – я надеюсь, все приготовили необходимые бумаги, и нам не придется краснеть перед архонтом?

В этот момент по залу пронесся небольшой гул, который подтверждал то, что все составили отчеты и готовы их сдать в любой момент.

– Ну, вот и отлично, – продолжил Дмитрий и начал собирать все документы у присутствующих. Быстро обойдя их и собрав стопку бумаг, он поднес их к княжичу.

– Благодарю, – сказал Александр, принимая их, – я намерен изучить эти документы и побыстрее разобраться со всеми делами турмы. Если ни у кого больше вопросов нет, я предлагаю закончить наш совет, – при этих словах все члены совета одобрительно закивали головами, но в этот момент, неожиданно для всех со своего места поднялся турмарх Михаил Костас.

– При всем уважении к вам, достопочтенные члены совета, я не могу согласиться с решением закончить этот совет и, если Его Высочество архонт даст мне возможность высказаться, я объясню почему.

– Конечно, говорите, турмарх, – ответил удивленный Александр.

– Так вот, в то время когда все мы добросовестно работали на благо турмы и всего княжества в целом, среди нас завелся человек, который работал исключительно ради себя в ущерб интересам нашего края. Его целями были только собственное обогащение и удовлетворение властных амбиций. Он все время дурачил нас, пользуясь тем, что мы абсолютно не разбираемся в его специфической работе и в тайне потешался над нами. Но мы с вами – полбеды, этот человек тайно смеялся над нашим архонтом и над княжеской фамилией, причем, все это сходило ему с рук абсолютно безнаказанно. Даже сейчас, когда княжич приехал в свой наследственный феоде, этот человек издевается над нами, подсовывая вместо реального отчета о состоянии дел фальшивую бумаженцию. Он, не стесняясь, плюет нам в лицо. Но и он не так неуязвим, как думает. Мы с вами, уважаемые члены совета, должны вывести на чистую воду этого волка в овечьей шкуре.

– Да о ком же Вы говорите, турмарх? – уже не выдерживая, спросил топарх Домнин.

– Я говорю о подлом и лживом человеке, который за счет казны турмы сам обогатился до небывалых размеров, который слишком долгое время дурачил нас – это главный казначей Алексей Паисий, – сказал Костас, повернувшись к Алексею и указав в его сторону пальцем.

При этих словах итак уже красный Паисий побагровел,

от злости он скрипел зубами и даже не смог сразу отпарировать. Поэтому первым тишину развеял всегда сочувствующий казначею Гавриил Домнин:

– Ну, это уже слишком, Михаил. Мы знаем, что у Вас с Алексеем имеются недомолвки, но это же не повод так безосновательно публично его обвинять. Это переходит всякие границы.

– Это все ложь, ложь, – наконец придя в себя, завопил Паисий, – Ваша Светлость, я всегда верой и правдой служил Вашему отцу и Вам. Несмотря на это, мне приходилось терпеть необоснованные нападки турмарха, но теперь он обвинил меня в нечистоплотности публично и я прошу, нет, я даже требую, чтобы Михаил Костас взял свои слова назад и немедленно извинился передо мной.

– И не подумаю, – перебил его Костас, – я прошу Его Светлость, княжича Александра Гавраса, взять в руки отчет казначея Паисия (при этих словах Дмитрий перешарил бумаги и выбрал из них те, которые дал ему казначей) – и сравнить их вот с этим, – и при этом он ловким и эффектным движением вынул из сумки стопку бумаг и бросил их на стол. Это были те самые документы, которые он накануне ночью забрал у Аркадия Ореста.

– Что это?– удивленно спросил судья Константин Кирик.

– А это документы, отображающие истинное финансовое положение дел в турме.

Дмитрий быстро взял эти бумаги и протянул их княжи-

чу, который в свою очередь начал внимательно изучать их и сравнивать цифры в разных документах. Цифры не сходились, и разница в некоторых из них отличалась в разы. С первых строк увидев несоответствие, Александр поднял на Алексея Паисия вопросительный взгляд и протянул часть бумаг любопытствующим Кирику и Домнину.

– Что Вы можете сказать нам по этому поводу, Алексей? – слегка хмурясь, спросил княжич у казначея.

– Я ничего не знаю по этому поводу. Приготовленный мною отчет абсолютно соответствует данным указанным в бумагах, которые находятся в архиве, а откуда взялись эти бумаги я понятия не имею. Мало того, мне кажется, что, имея желание поставить мое честное имя под угрозу, турмарх Костас мог и подделать эти документы, – и при этих словах он рукой отодвинул от себя передаваемые ему бумаги.

– Дело в том, уважаемые члены совета, – громко заревел Костас, – что вина Алексея Паисия не только в том, что он проворовался, но и в том, что он умышленно выкрал оригиналы документов и заменил их вот этими подделками, – добавил он, указывая на бумаги, лежащие около княжича.

– А как Вы можете это подтвердить, – спросил судья Кирик? – Ведь обвинение такого масштаба должно строиться не только на предположениях.

– Вот именно, – согласился Гавриил Домнин.

– Я это прекрасно понимаю и именно поэтому, на сего-

дняшний совет пригласил исполнителя всего этого коварного заговора, – и, повысив тон, произнес, – Аркадия Ореста.

В этот момент открылась дверь, и в нее вошел Аркадий. При его появлении багровое лицо Алексея Паисия, до этого державшего себя в руках, побелело, а левая рука задрожала.

– Я прошу Вас, Аркадий, – сказал Костас, метнув в сторону вошедшего быстрый и грозный взгляд, – расскажите нам о том, что Вы делали прошлой ночью в здании казначейства?

– Что значит ночью? Ночью казначейство закрыто, как он мог оказаться там, – изумленно спросил Гавриил Домнин.

– «Этот старый идиот испортит все дело», – подумал Костас, но вслух сухо произнес, – Давайте слушаем свидетеля.

– Да, это будет правильно, – спокойно произнес княжич, – Рассказывайте, Аркадий.

Для того, чтобы не встретиться с глазами Алексея Паисия, Аркадий опустил свой взор на пол и начал рассказывать. Его предварительно натаскал Моше и поэтому Орест пытался говорить складно:

– Вчера днем силой и угрозами главный казначей Фуны Алексей Паисий заставил меня ночью проникнуть в здание казначейства и тайно вынести из архива документы, касающиеся взимания податей с купцов за проезд по территории турмы.

– А как же Вы собирались проникнуть в здание? Вы что не знали, что оно охраняется? – спросил Константин Кирик.

– Знал, но Алексей сказал мне, что охрану он уберет, оповив их вином.

– А как же Вы попали в архив, ведь он всегда был заперт? – продолжал допрос опытный судья.

– Он дал мне ключ от двери в казначейство и от двери в архиве, – сказал Аркадий, указывая пальцем на главного казначея. – Я пришел туда и у здания действительно никого не оказалось. Открыв дверь, я спокойно попал в архив и после недолгих поисков отыскал нужные Паисию документы, а когда выходил, на меня внезапно накинулся Михаил Костас.

При этих словах все посмотрели на турмарха.

– Да я просто как обычно вечером проверял посты и увидел, что в казначействе кто-то орудует. Охраны не было на месте, и я решил сам задержать злоумышленника. Ведь так?

– Совершенно верно, – подтвердил Аркадий и продолжил, – после этого я отдал документы Михаилу Костасу. А затем вернулся в дом к Паисию и сказал ему, что сжег бумаги.

– Это наглая клевета, – не сдержался Паисий и начал вопить, – еще говорит, что был у меня дома. Мерзавец и лжец, да где это видано, чтобы такой проходимец и подлец обливал грязью честных людей, – не все в его глазах прочитали глубокую душевную обиду. Его предал не кто-нибудь, а любимый им человек, Алексей еле сдерживал себя от того, чтобы не расплакаться, но понимал, что сейчас нельзя этого сделать. Его сердце жгла страшная рана, воздуха не хватало, но

он понимал, что если сейчас дело будет проиграно, то физические раны и наказание, будут еще более ощутимыми, чем душевные муки. Поэтому собрав весь имеющийся у себя дух и силы, он слегка успокоившись выдохнул и продолжил, – я просто уверен, что все что говорит этот человек – сведения, которые его заставил сказать Михаил Костас, для того чтобы опорочить мое честное имя. Если Вы Ваша Светлость, считаете меня в чем-либо виноватым, то нужно провести расследование и привести более веские доказательства, чем болтовня этого мальчишки и стопка поддельных бумаг.

– Это верно, в таком деле нужно разобраться детально, нельзя принимать решение на скорую руку, – согласился с казначеем судья турмы Константин Кирик.

– Да, как же так, – прогремел над всеми присутствующими Костас, – тут собраны неопровержимые доказательства виновности казначея в подлогах и воровстве. А вы тут собрались полемику разводить. Александр, Вас, как архонта, и Вашего батюшку, как князя, долгое время обкрадывал этот человек, и Вы хотите спустить ему это. Не нужно тут проводить расследование, чтобы не видеть очевидное. Алексей Паисий – вор и все доказательства это подтверждают.

– Успокойтесь турмарх, – ответил княжич, – не стоит так драматизировать, – дело действительно серьезное и в нем нужно хорошенько разобраться. Я предлагаю назначить следственную комиссию, состоящую из независимых казначеев, которых мы пригласим из соседних турм, и возглавит

ее Константин Кирик. Единственный, как я понимаю, установленный факт – это то, что этот молодой человек прошлой ночью незаконно проник в здание казначейства?

– Но он это сделал по приказу Паисия, – попытался защитить Ореста Костас.

– В данном случае это не имеет значения. Он совершил преступление и его необходимо судить. Поэтому немедленно поместите его в темницу. Что касается Вас, Алексей, то на время расследования Вам запрещено покидать свой дом. Мало того, с Вами теперь будут находиться два пристава из моей дружины. Это временная мера, до окончания следствия, на этом, я думаю, совет сегодня можно закончить, – и с этими словами уже совсем хмурый Александр поднялся из кресла и в сопровождении Дмитрия и Тихона быстрым шагом покинул зал заседания.

Глава четырнадцатая.

Три гонца, три послания

Ранним утром следующего дня с небольшими временными промежутками из Фуны в столицу направились три гонца.

Первый, одетый в дорогую ливрею, украшенную гербами княжича Александра, направлялся прямо к князю Михаилу Гаврасу. Во врученном ему послании княжич излагал суть ситуации и просил князя направить ему из столицы самых верных казначеев, для проведения финансовой проверки в турме. Впервые в жизни Александр не спрашивал совета у отца, что делать в данной ситуации. Он как архонт сам решил, как поступить в этом деле и просто действовал согласно своему решению.

Второй гонец, одетый в не менее знатный камзол, украшенный гербами младшей ветви Гаврасов, направлялся по поручению Тихона к Его Высочеству Исааку Гаврасу. Он вез послание Алексея Паисия, который через своего слугу сумел тайно ночью передать его Тихону. В нем Паисий излагал критические проблемы, возникшие у него в результате предательства Аркадия Ореста, и просил помощи у своего покровителя в любой возможной форме.

И третий гонец, без гербов и дорогих камзолов, в простой матерчатой рубаше, но с не менее важным посланием, был направлен Михаилом Костасом, своему верному боевому дру-

гу Стефану Андронику. В этом послании турмарх излагал события последних дней, благодарил Стефана за то, что тот прислал ему в помощники Моше Гирша и просил по возможности повлиять на князя Михаила и уверить его, в том, что он, Костас один из самых верных слуг самого князя и Феодоро, в целом.

Работа гонцов закончилась довольно однообразно. Поздним вечером каждый из них без особых происшествий добрался до места назначения, где передал послание адресату. После чего все их мысли свелись к тому, чтобы направиться в какую-нибудь придорожную таверну и там прогулять почти все вознаграждение за поездку, с чем каждый из гонцов, не взирая, на геральдическую ливрею, камзол, или простую рубаху, успешно справился.

И совсем иначе сложились дела и мысли тех людей, которые эти послания получили.

Его Милость, князь Михаил, начиная читать послание, сперва немного огорчился тому, что Алексей Паисий назначенный им же, может оказаться нечистоплотным казначеем. Но затем, дочитав текст до конца, очень обрадовался, тому, что Александр сам, без советов и подсказок, решил провести справедливое и честное расследование и без горячки, спокойно оценить все случившееся, опираясь на факты, а не на эмоции. Он и сам поступил бы так же и осознание того, что его сын поступает мудро, не могло не порадовать душу отца.

Совсем иные чувства и мысли посетили родного брата

князя Михаила, архонта Каламиты его Светлости Исаака Гавраса. Прочитав доставленное ему письмо, он пришел в неопишемую ярость от мудрых шагов княжича. Во-первых, его план с охотой не сработал, а, наоборот, из-за предательства Ореста привел к катастрофическим последствиям. Во-вторых, он понимал, что если Паисия выведут на чистую воду, то след приведет непосредственно к нему. И, в-третьих, он был раздосадован находчивостью своего племянника и понимал, что Александр становится все более сильным противником.

Но не таков был Исаак Гаврас, чтобы перед надвигающейся опасностью опустить руки. Даже в самых безвыходных ситуациях он пытался выйти победителем, и, прочитав послание, серьезно задумался над решением этой задачи. Его раздумья прервал вошедший слуга:

– Ваша Светлость, к Вам прибыл гонец из княжеского дворца и передал послание от князя Михаила.

– «Вот оно, началось», – подумал Исаак. – Что за послание?

– Гонец сообщает, что завтра утром князь собирает малый совет и просит Ваше Высочество непременно прибыть к десяти часам.

– «Значит, князь уже в курсе и не намерен затягивать это дело», – промелькнуло в голове архонта, – скажи гонцу, что я непременно буду, – пробурчал он в ответ.

– Как изволите, – сказал слуга и, поклонившись, вышел из

кабинета.

– Ну что же, утро вечера мудренее, – сказал сам себе Исаак, и отправился к себе в спальню, обдумывая по пути свои действия на завтрашнем совете.

А в это же время третье письмо, посланное Михаилом Костасом, у себя дома прочитывал Стефан Андроник. Сначала он посмеялся от души над находчивостью и предприимчивость своего боевого друга Костаса и посланного ему в помощь Моше Гирша. А затем начал размышлять о том, как он может помочь им в окончательном разоблачении Паисия. В качестве подсказки Михаил изложил ему свою версию о том, что казначей Фуны и Исаак Гаврас давно находятся в сговоре и действуют сообща. В этот момент к нему тоже пришел посланник князя и объявил о внеочередном утреннем заседании малого совета и Стефан решил ничего не предпринимать до этого момента.

Ровно в десять часов утра в просторный тронный зал, находящийся на первом этаже княжьего дворца, где проходили заседания малого совета, вошел князь Михаил I Гаврас. Все присутствующие почтительно поднялись и поклонились своему повелителю.

В малом совете, включая князя, его брата и Стефана Андроника заседали еще два человека. Это были, главный казначей Феодоро – Евгений Галактион и логофет княжества – Ипполит Фотин. На совете отсутствовал Евдокий Лиандр, турмарх столичного гарнизона и фактически стратиг (16)

княжеской армии. Он находился с проверкой дружины в Каламите.

Князь Михаил приветливо кивнул своим советникам и прошел на свое привычное место – в большое резное кресло, стоявшее во главе стола.

– Друзья мои, сегодня я собрал вас так срочно потому, что дело, которое мне хотелось бы с вами обсудить, не терпит отлагательств, – начал князь, перейдя сразу к причинам неожиданного собрания малого совета. – Речь пойдет о том, что в одной из наших самых процветающих турм, а именно в Фуне, главный казначей подозревается в нечистоплотности, а также в подделке и подлоге документов. Архонт турмы просит у нас помощи в проведении честного и справедливого расследования и вынесения правильного решения, – при этих словах он достал послание Александра и в деталях изложил все обстоятельства дела присутствующим.

– Значит, главой комиссии будет назначен судья Кирик? – переспросил Ипполит Фотин. – Это очень честный и справедливый судья, и я ручаюсь, что вывод комиссии под его руководством будет объективным.

– Ну, а я в свою очередь могу выделить в столичном казначействе наиболее грамотных казначеев и отправить их в Фуну для помощи в проведении расследования, – сказал главный казначей Евгений Галактион.

– Это все ясно, друзья мои, – прервал их князь, – но об этом я уже и сам подумал. Речь пойдет вот о чем. Архонт

Фуны просит у меня разрешение вот на что – так как проверка чиновника такого высокого ранга проводится в княжестве впервые, то Александр для проведения независимого и не предвзятого расследования хочет, наряду с двумя нашими проверяющими казначеями, пригласить пару знатных купцов княжества и двух казначеев из генуэзской Лусты. Тогда, по его мнению, мы сможем увидеть реальное состояние финансовых дел Фуны.

И Исаак Гаврас и Стефан Андроник поняли, почему молодой архонт, хочет взять в помощь генуэзцев. Во-первых, это добрый жест по отношению к соседям, а во-вторых, княжич решил действительно докопаться до сути дела и, понимая, что на мангупских казначеев можно оказать давление выбрал наряду с ними независимых генуэзцев. Поняв это, Стефан Андроник от души порадовался находчивости юного княжича, а вот Исаак Гаврас покраснел от злости.

– Где же это видано, – прогремел он, – чтобы мы просили посторонних людей о помощи в решении внутренних дел княжества. Давайте тогда вообще расформируем все казначейства, а вместо наших архонтов назначим генуэзских консулов. Мы всегда обходились своими силами, и я считаю, что звать сюда инородных людей абсолютно ни к чему.

После слов брата князя, у Стефана Андроника прошли всякие сомнения относительно покровительства Исаака Алексею Паисию. Теперь он был в этом уверен. Стефан прекрасно понимал, что если расследование будут проводить

только мангупские казначеи, то уж Исаак Гаврас, могущественный архонт, найдет пути воздействия на них. Понимая все это, он начал незамедлительно действовать:

– Если позволите, – начал Стефан и, обратив свой взор на князя, увидел, что тот одобрительно кивнул, позволяя ему продолжить, – я бы хотел обратить внимание вот на что, несколько недель назад на большом совете княжества, Его Высочество Исаак Гаврас, настаивал на том, что нам необходимо вести политику умиротворения наших соседей генуэзцев из Капитанства Готии. Причем, Его Высочество так распинался при этом, что даже назвал отказ от дани туркам поспешным решением...

– Я и не отказываюсь от своих слов, но к чему это сейчас, черт возьми, – негодующим басом прервал речь Стефана Исаак.

– Брат мой, не стоит так нервничать, давайте дослушаем до конца, – обратился князь к Исааку, – продолжайте Стефан.

– Так вот, мне кажется, что та пламенная речь Его Высочества Исаака не оставила равнодушным и юного княжича Александра и теперь он даже в политике своей турмы ищет возможности наладить отношения с соседями, а что может быть лучшим поводом для дружбы, чем просьба о помощи. Конечно, наши казначеи ни чем не уступают генуэзским, но ведь архонт и не отказывается от их услуг. Он просто составляет независимую комиссию для расследования и одно-

временно налаживает добрососедские отношения с консулом Лусты. Это очень мудрый и правильный ход, поэтому лично я поддерживаю Александра в его решении.

– «Вот же хитрец», – подумал Исаак, – «он точно что-то пронюхал о наших с Паисием делах, чувствую, это дело еще выйдет мне боком, слишком много людей начинают совать в него свои носы», – но Исаак Гаврас был не из тех, кто сдавался перед неизбежным и принял бой. – Вы говорите чепуху, Стефан, я говорил о целенаправленной внешней политике княжества, а не о мелких любезностях отдельного архонта. И уж никак не имел в виду вмешательства генуэзцев в наши внутренние дела. То, что Вы сказали – абсурд и не имеет к моей позиции никакого отношения.

– И все же, я считаю решение княжича правильным, – продолжал свой натиск Андроник, – кроме того, насколько мне помнится, Паисий какое-то время работал в мангупском казначействе, не так ли Евгений? – обратился Стефан к главному казначею.

– Совершенно верно, до назначения в Фуну он полтора года отработал в моем ведомстве.

– И откуда же взялась такая гадина, у нас под носом? – не однозначно спросил, как бы в никуда Стефан, и покосился на Исаака. Несмотря на то, что он не спешил бросаться такими серьезными обвинениями, понимая, что пока еще не поймали слугу, не стоит ловить хозяина, Исаак в этот момент дрогнул, и понял, что ему лучше не стоит спорить. Ведь очень

быстро выяснится, что Паисий сделал такую головокружительную карьеру, находясь под его крылом, и дело начнут распутывать прямо здесь и сейчас. А вероятность того, что подозреваемым в махинациях будет уже не Алексей Паисий, а он сам – была как никогда реальна.

– Ну, если вы все так считаете, то я не буду бессмысленно спорить, – быстро выпалил Исаак, увидев, что Евгений Галактион хотел ответить на вопрос Стефана Андроника о месте появления Паисия.

– Вот и хорошо, – одобрил князь Михаил, – кого мы возьмем в качестве независимого купца?

– Я предлагаю обратиться к Моше Гиршу, – не теряя удачного момента, сказала Стефан, – он добрый друг моей семьи и в финансах разбирается как Бог.

– Да уж, это точно, – поддержал его Галактион, – не зря пословица гласит: «Стоит караиму взглянуть на Ваш карман, как он уже пуст».

И все участники совета, кроме угрюмого Исаака расхохотались.

Глава пятнадцатая. Следствие

Спустя три дня после состоявшегося Малого совета княжества на территорию города Фуна съехались независимые казначеи. Это были двое служащих главного мангупского казначейства, два генуэзских казначея, купец Моше Гирш и Константин Кирик, который был назначен руководителем этой первой в истории княжества Феодоро независимой аудиторской комиссии.

Экспертам предстояло в течение недели изучить всю финансовую документацию турмы и определить – имел ли место подлог документов и если имел, то выяснить реальное состояние денежных дел турмы. Таким образом, сразу убивались два зайца – определялась вина или невиновность Алексея Паисия как казначея, и Михаила Костаса как свидетеля и обвинителя.

Помимо глобальной проверки документов в казначействе турмы разворачивалась еще и политическая проверка Александра как сильного архонта. Дмитрий очень усердно склонял княжича поддержать турмарха Костаса, а Тихон в свою очередь, всеми силами пытаясь создать образ человека равнодушного к происходящему, по наущениям отца, поддерживал казначея Паисия.

Сам Александр склонялся к стороне Костаса. Он знал этого вояку и видел его прямолинейность и открытость, что ему

наверилось. Да и потом, княжич, как-то ближе был к сословию воинов, чем купцов. Но создавая себе образ справедливого правителя, Александр всеми силами старался ему реально соответствовать. Он уклончиво отвечал на все аргументы сторон и терпеливо ждал окончания расследования.

– Костас – это человек, который прошел все невзгоды войны бок о бок с моим отцом. Он никогда не предаст род Гаврасов. Это настоящий воин и честный человек, – говорил Дмитрий.

– Я согласен с тобой. Но я не могу просто так осудить Алексея, потому, что мне нужны веские доказательства. Беззаконие не придаст мне доброй славы, – мудро отвечал княжич.

В свою очередь Тихон тоже пытался повлиять на Александра.

– Брат мой, я конечно сторонний наблюдатель, но мне кажется, что аргументы Вашего казначея гораздо убедительнее, чем утверждения Костаса. По мне, так турмарх просто ненавидит казначея и пытается его очернить в Ваших глазах. Вызвал себе какого-нибудь генуэзского ловкача, тот ему и подделал документы, а все из-за его зависти.

– Вы так думаете, брат мой? А в чем же заключается его зависть по отношению к Паисию?

При этих словах Тихон задумался и смутился. Дело в том, что его красноречие было, скажем так, не совсем его. Вчера вечером к нему прибыл гонец от Его Высочества Исаака

Гавраса с подробными письменными инструкциями и речами, которые Тихон должен был заучить и рассказать Александру, склоняя его на сторону Паисия. И поначалу Тихон успешно справлялся с поставленной задачей, но так увлекся, что посчитал все сказанное – своими собственными словами и решил добавить последнюю фразу, про зависть, которую он вставил от себя. Она естественно была не уместна, и более опытный Александр не преминул воспользоваться возможностью поставить двоюродного брата в тупик. Теперь же нужно было выкручиваться, и мысленно прокляв свою неуместную самодеятельность, Тихон ответил:

– Ну, Вы же сами видите какой Паисий изысканный и талантливый, его уважают многие люди, в том числе и сам наместник Гавриил Домнин, – фраза про наместника тоже была написана для Тихона Исааком, – и какой этот Костас – воляка и мужлан, которого никто не воспринимает как талантливого руководителя, а многие просто недолюбливают.

– Людей, которые руководят, часто недолюбливают, это не секрет, а свое дело Михаил Костас знает отменно. Но в целом я понял Вас, брат мой. Все зависит от результатов расследования. Только после него можно будет сделать какие-то выводы.

Пока длилась вся эта политическая игра, и шло расследование, Алексей Паисий по приказу княжича томился в своем доме. И хотя дом был одним из самых комфортабельных в Фуне, комфортно Алексей себя уж никак не чувство-

вал. Его мучила постоянная бессонница, отчего под глазами появились большие синие мешки. Он совсем запустил свой внешний облик, и на его всегда гладко выбритом лице проступала бородка, которая росла совершенно неравномерно и больше напоминала юношеский пушок. Настроение было прескверным. Алексей практически не выходил из кабинета, мало ел и почти не пил. Всем своим телом и душой он чувствовал, как вокруг его шеи стягивалась удавка, которая вот-вот должна была окончательно сомкнуться. Он десятки раз перебирал в своей памяти все финансовые документы и сам находил в них слабые места, которые раньше казались ему безупречными. От этого у него постепенно развивалась паранойя. Ему периодически, тайно доставляли послания от Тихона, в которых последний уверял, что его отец делает все, для того чтобы спасти его. Но после предательства Аркадия Ореста, что само по себе жгло все его нутро и доставляло нестерпимую душевную боль, Паисий перестал кому-либо доверять.

И вот на третий день проверки, когда до казначея дошел слух о том, что комиссия нашла у одного из купцов один дублированный документ, подтверждавший подлинность бумаг Костаса, нервы Алексея Паисия не выдержали. Собрав все свои оставшиеся силы, он сел за роскошный дубовый письменный стол и написал послание Исааку Гаврасу:

«Ваша Светлость! Много лет я служил Вам верой и правдой и никогда еще не подвергал сомнению свою преданность

Вашей семье. Нас связывают многочисленные дела, огласка которых могла бы негативно сказаться на Вашем добром имени. Сейчас обстоятельства складываются таким образом, что если проводимое расследование докажет наличие подлога документов, то тогда наверняка, княжичем будет применен допрос с пристрастием. Во время этого допроса будут применяться известные Вам способы развязывания языка, и я боюсь, что не смогу долго удерживать в тайне всю информацию о наших с Вами делах. Поэтому я вынужден просить Вашу Светлость применить все возможные средства для того, чтобы расследование не пришло к таким выводам. Всегда преданный Вам, Алексей Паисий.»

После написания послания, он кликнул слугу, через которого поддерживал связь с окружающим миром, передал ему письмо и строго настрого велел передать его Тихону Гаврасу в руки. Через два часа Тихон уже отправлял с этим посланием гонца к отцу.

Для того, чтобы находиться поближе к месту происходящих событий Исаак Гаврас устроил охоту в одном из своих угодий недалеко от города Шиварина. Опытный гонец мог проехать это расстояние за 8 часов. А так как переписка Исаака Гавраса не прекращалась ни на день, в его свите всегда хватало толковых посланников. Уже к одиннадцати вечера из уставших рук своего взмыленного фунского гонца он получил послание от Паисия.

– Да что он о себе возомнил, – завопил архонт, дочитав

до конца письмо, — я из кожи вон лезу, чтобы вытащить его из передраги, в которую он попал по своей собственной глупости, мужеложец чертов, а он мне еще и угрожать вздумал. Нужно заканчивать с этим делом, а то оно становится слишком опасным.

Он немедленно кликнул слугу и приказал тому срочно разыскать и пригласить к себе Виктора Аглая.

Через некоторое время Виктор уже стоял перед архонтом. Это был среднего роста коренастый брюнет, о котором было известно только то, что он состоял в свите Исаака и возглавлял его дружину. Ему было около сорока лет, и он всегда надевал дорогие костюмы из черного бархата.

Только несколько человек в княжестве знали, что Аглай являлся тайным исполнителем самых деликатных заданий архонта. Он добывал информацию, шантажировал, избивал, но самым главным талантом этого человека была ликвидация неугодных Исааку людей. Главной жизненной ценностью Виктора Аглая была звонкая золотая монета, и вся его жизнь состояла в постоянном ее поиске. Сначала он два года отслужил в княжеской дружине, но, не увидев там для себя дальнейших перспектив, подался к генуэзцам. Он предложил им свои услуги в качестве шпиона и стал передавать им информацию, но через полгода работы его поймали в Авлите, и судили как шпиона, что грозило ему смертной казнью. На процессе присутствовал Исаак и, увидев в Аглае талант изощренного мастера тайных операций, в обмен на пожиз-

ненное оказание подобного рода услуг, занял это дело, чем спас ему жизнь. Также он, не скупясь, подкреплял работу Виктора хорошими вознаграждениями и тот верно и исправно служил своему господину. Именно он создал для Исаака сеть доносчиков по всему княжеству, и первый узнавал сведения о том или ином событии. Одним словом, он был не только главой дружины архонта, но и начальником его тайной службы, которая благодаря Аглаю, работала точно как часы.

Исааку Гаврасу, также очень нравилось то, что Виктор понимал его с полуслова и сам придумывал ухищренные способы решения проблем архонта. Вот и теперь решение вопроса с Паисием Исаак хотел поручить именно ему.

– Виктор, – начал Исаак после того, как зачитал письмо Аглаю, – я думаю, ты понимаешь насколько деликатно то дело, которое я собираюсь тебе поручить?

– Да, Ваша Светлость.

– Я надеюсь, промашки не будет, потому что на карту поставлено многое.

– Не переживайте, я в курсе происходящих событий и уже давно подготовил план, по ликвидации...

– Не стоит произносить имен, – перебил его Исаак, – даже у стен бывают уши.

– Именно поэтому я хотел сказать, по ликвидации мешающей Вам мухи.

– Мухи... неплохо сказано, – отметил архонт и слегка

улыбнулся. – Если все пройдет гладко, и никто ничего не заподозрит, я щедро вознагражу тебя за оказанные услуги.

– Я в этом не сомневаюсь. Ваша Светлость никогда не скупится на вознаграждение своих верных слуг, – ответил Виктор, и почтительно поклонился. Затем подняв голову, спросил, – когда прикажете прихлопнуть зловердное насекомое?

– Чем скорее, тем лучше, – ответил Исаак и, развернувшись, направился в соседнюю комнату.

– Как будет угодно, Ваша Светлость, – сказал Виктор и вновь учтиво поклонился.

Глава шестнадцатая. Первый допрос

Следующий день был по настоящему жарким. С самого утра в небе палило яркое солнце, и хотя была середина августа, и все люди надеялись, что жара начнет постепенно спадать, на улице было еще невыносимо душно. Жители турмы старались без нужды не покидать своих прохладных домов и тенистых виноградных беседок, и поэтому улицы города опустели. Однако в этот день, несмотря на солнце и зной почти все жители Фуны с утра вывалили на улицы города и как один направились в крепость к недавно построенной церкви Феодора Стратилата.

Это было связано с тем, что этот день был первым днем поста, установленного в память Успения Богородицы, в простонародье называемым Успенским. Все горожане и жители окрестных сел и имений направлялись к главной церкви турмы на утреннюю службу, которую проводил архимандрит Макарий Мирт.

Это был очень важный пост в жизни феодоритов. Сразу после его окончания начинался сбор винограда и таким образом жители просили благословения небес на это важнейшее в их жизни занятие. Поэтому начало этого строгого поста, в отличие от других, встречалось довольно радостно, и было настоящим праздником. В церкви среди всех этих счастливых и улыбающихся лиц выделялась группа людей,

внешний вид которых был абсолютно не весел, а наоборот даже удручен. Это были члены совета турмы и приглашенные для проведения проверки аудиторы. Единственный из всех, кто смотрелся удовлетворенно и радостно был Михаил Костас, ведь его победа была теперь делом времени.

Несмотря на то, что финансовая проверка еще продолжалась у судьи Константина Кирика уже были весомые основания начать допрос Алексея Паисия. Дело в том, что один из членов следственной комиссии, тот самый Моше Гирш, подняв все свои связи, добыл у одного генуэзского купца документ, в котором указывалась реальная сумма пошлины, заплаченная купцом за проезд по территории турмы. В это же время в казначействе нашли его второй оригинал, в котором сумма была уже втрое занижена. Это было уже прямое доказательство подделки документов и на вчерашнем вечернем совете было решено начать допрос бывшего главного казначея. Также решили пока не применять пристрастие, а предложить Алексею Паисию добровольно признать свою вину и все рассказать. Особенно всех интересовал вопрос, где находятся средства недополученные казной.

В конце службы Макарий Мирт дополнительно благословил членов совета, дабы они приняли богоугодное и правильное решение, после чего все они направились в казначейство. Члены комиссии – изучать другие финансовые документы, а члены совета – провести первый допрос Алексея Паисия.

Уже через час после церковной службы все члены совета находились в зале заседаний казначейства. Было принято решение проводить допрос в присутствии всех, дабы попытаться убедить опального казначея принять правильное решение. И вот в дверь зала совета в сопровождении двух стражников вошел Алексей Паисий.

Все присутствующие обратили внимание, что и до этого худой и стройный Паисий за прошедшую неделю совсем исхудал. Вид у него был подавленный и расстроенный. Но, несмотря на это, он старался держать себя в руках. Он сбрил свою бородку, а вернее пушок, который был вместо нее, надел нарядную рубаху и хоть с трудом, но пытался делать вид, что ничего не произошло.

Когда его ввели в зал, он попытался было занять свое привычное место за столом, но стражники не пустили его и оставили стоять перед членами совета, в составе которых он состоял еще неделю назад.

– Вы свободны, – произнес Костас, обращаясь к стражникам, – ждите за дверью.

– Алексей, – обратился к казначею Константин Кирик, после того как стражники плотно закрыли дверь за спиной у казначея, – у нас есть все основания считать Вас виновным. Были найдены расчетные документы купцов, содержание которых противоречит содержанию документов у нас в казначействе.

– Документы поддельные, – начал сопротивляться Паи-

сий.

– Также есть свидетели подлога и финансовых махинаций.

– Свидетели подкуплены.

– Выводы независимой комиссии однозначны – в казне крупная недостача денег.

– Комиссия запугана, – не сдавался казначей.

– Хватит валять дурака, да он просто издевается над нами, – не выдержал Костас. Но поймав суровый взгляд княжича, замолчал.

– Дело практически раскрыто, – продолжил Кирик, – но обсудив все обстоятельства, совет решил предложить Вам сделку. Вы добровольно рассказываете обо всех проведенных Вами махинациях, указываете, куда ушли деньги, а мы, в ответ, гарантируем Вам жизнь и то, что к Вам не будет применяться допрос с пристрастием. В Вашем положении глупо упорствовать.

– Мне нужно подумать, – с тоской ответил Паисий и бросил беглый, но очень острый взгляд в сторону присутствующего Тихона. Никто не заметил этого жеста, но Тихон уловил смысл. Паисий показывал всем своим видом, что если до завтра Исаак ничего не предпримет для его спасения, он пойдет на сотрудничество с советом. А учитывая, что большая часть похищенных финансов осела в казне архонта Каламиты, то след рано или поздно приведет к нему.

– Хорошо, Алексей, но помните, что время работает против Вас. Мы даем Вам возможность подумать до завтра, и в

это же время будем ждать Вашего ответа. А пока Вы направитесь домой под арест.

– Стража, – не без удовольствия завопил Костас, – уведите его обратно, и чтобы глаз с него не спускали.

Стражники вернулись в помещение, подошли к Паисию и тот послушно повернулся и вышел в их сопровождении из зала.

– Я все-таки не понимаю. Почему мы до сих пор не кинули эту крысу в то место, где она и должна быть – в темницу, – с негодованием спросил турмарх Костас?

– Бросить его в темницу мы всегда успеем. Паисий размышляет головой, и если мы начнем действовать с точки зрения силы, он может заупрямиться. Поэтому дайте ему еще один день подумать, и если разум не возьмет верх, тогда мы пустим в ход силу, – ответил судья Кирик.

– Вечно Вы всех жалеете и ужасно медлите. Дали бы мне этого вора на пару часов, так он бы все рассказал и признался бы даже в том, что это он и есть тот самый Иуда, который предал Иисуса Христа.

После этих слов все перекрестились.

– Не богохульствуйте, Михаил, – начал княжич, – я тоже согласен с уважаемым Константином. Дадим казначею шанс. А уж если он не захочет им воспользоваться, мы передадим его Вам.

– Уж я-то все из него вытрясу, – сказал турмарх и грозно помахал руками, показывая всем, как он бы вытряс сведения

из Алексея Паисия.

После этого княжич встал со своего места и пошел в сторону выхода из зала. Его примеру последовали все остальные. В этот момент Тихон взглянул на выходящего из зала Костаса. По решительному и немного зловещему выражению лица турмарха даже не слишком умный Тихон, понял всю серьезность положения, в которое попал Паисий и, как следствие, его отец.

После окончания заседания совета у выхода из казначейства Тихона Гавраса поджидал его личный слуга. Он шепнул на ухо своего господина несколько слов и тот, вскочив на коня, помчался в сторону городского кладбища.

Проскакав около километра, Тихон оказался у ворот кладбища, на котором оканчивали свой жизненный путь почти все жители турмы. Здесь его поджидал одетый в рясу бродячий монах.

– Добрый день, Ваша Светлость, – обратился монах к Тихону.

– Добрый, мне сказал слуга, что Вы посланец моего отца, я слушаю Вас внимательно.

– Я прибыл не только передать Вам послание Вашего отца, но и выполнить его важное поручение, – сказал монах, опуская капюшон.

– Виктор, это ты? – удивленно вскрикнул Тихон, увидев, что в рясу был обличен не кто иной, как Виктор Аглай.

– Да, Ваша Светлость. Но я нахожусь здесь инкогнито, так

что будьте внимательны и никому не проговоритесь, что видели меня в Фуне.

– Конечно-конечно. Но что привело тебя сюда?

– Я здесь для того, чтобы помочь решить проблему Алексея Паисия. У меня все готово, но мне необходима Ваша помощь.

– Я всегда помогу. Но, как отец хочет решить это дело, ведь с каждым днем ситуация все больше и больше усугубляется.

– Вот именно поэтому, Ваш отец и прислал меня сюда. Сегодня ночью я должен урегулировать все беспокоящие его проблемы.

– Да, но каким образом?

– Старым и проверенным способом – нет человека, нет проблемы.

При этих словах Тихон побелел:

– Неужели отец хочет...

– Да, именно этого и сегодня ночью. Поэтому я должен выполнить все быстро и четко. Для этого мне нужно, чтобы Вы передали Паисию сообщение, о том, что я буду сегодня ночью у него. Он должен отправить спать своего слугу и дожидаться меня в своем кабинете. Также, чтобы усыпить его бдительность, нужно сказать ему, что он должен быть готов к побегу и собрал только самое ценное, чтобы потом не терять времени в поисках этих денег и бумаг. А сейчас мне нужно отлучиться и кое-что самому приготовить. И главное – ни-

кому, ни слова.

– Я все понял.

– Вот и отлично, тогда я рассчитываю на Вас, – и Виктор, опять натянув на голову монашеский капюшон, отправился в сторону близлежащего леса, а Тихон еще долго смотрел ему вслед и размышлял о решении своего отца – Исаака Гавраса такого мудрого и такого беспощадного.

«Власть – это трудная штука», – подумал Тихон, тяжело вздыхая. Затем он сел на своего коня и направился в замок.

В то время пока Тихон Гаврас общался с Аглаем. У Михаила Костаса, Дмитрия и Александра шел совсем иной разговор.

– Я все равно не могу понять, почему мы еще не прижали к стенке эту змею Паисия, – негодовал турмарх, – уж я бы ему рот развязал.

– Поймите, Михаил, не одной только силой можно достигнуть желаемого результата, – отвечал княжич. – Мы заставим его говорить, но попробуем это сделать цивилизованно.

– Да мы только время зря теряем. Мы загнали зверя в угол и сами же даем ему время принять какое-то решение. Раз зверь загнан его нужно травить, а иначе он сам накинется на охотника.

– Ну не перегибайте палку, дражайший Михаил, – вступил в разговор Дмитрий, – Паисий под охраной, что он может сделать?

– Вы плохо знаете эту изворотливую гадюку. Да, он под

охраной, но в стенах своего логова. Я уже не раз просил Вас, княжич, перевести Паисия в темницу, но Вы все время оттягиваете решение этого вопроса, жалея его.

– До завтрашнего дня в этом нет нужды. Если завтра на совете Алексей снова заупрямится, то тогда мы переведем его в темницу.

– Все равно у меня душа не спокойна, чувствую, что он еще выкинет какую-то штуку. С Вашего позволения, я все же усилю охрану.

– Как считаете нужным, Вы же турмарх Фуны, – сказал Александр, поднимаясь со своего места совсем утомленный спором с Костасом. – Не переживайте, все будет хорошо.

– Дай-то Бог, – недовольно буркнул Михаил, выходя из кабинета.

– В его словах есть логика, – обратился к Александру Дмитрий, после того как Костас вышел.

– Я знаю, мой друг. Но дело в том, что применить силу мы успеем всегда. А вот попытаться раскрыть все дело без насилия, вот это действительно трудный путь. Отец учил меня никогда не спешить в делах расправы над людьми, и теперь я понимаю, что он был прав.

– Но ведь Паисий действительно виновен и это уже практически доказано.

– Дать виновному человеку шанс гораздо тяжелее, чем просто выбить из него то, что ты хочешь услышать. Тем более, сегодня начало одного из самых почитаемых событий

нашего народа – Успенского поста. Когда вокруг столько злобы и ненависти, немного милосердия и добра не повредят. Ну да ладно, сколько можно говорить об одном и том же. Я страшно проголодался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.